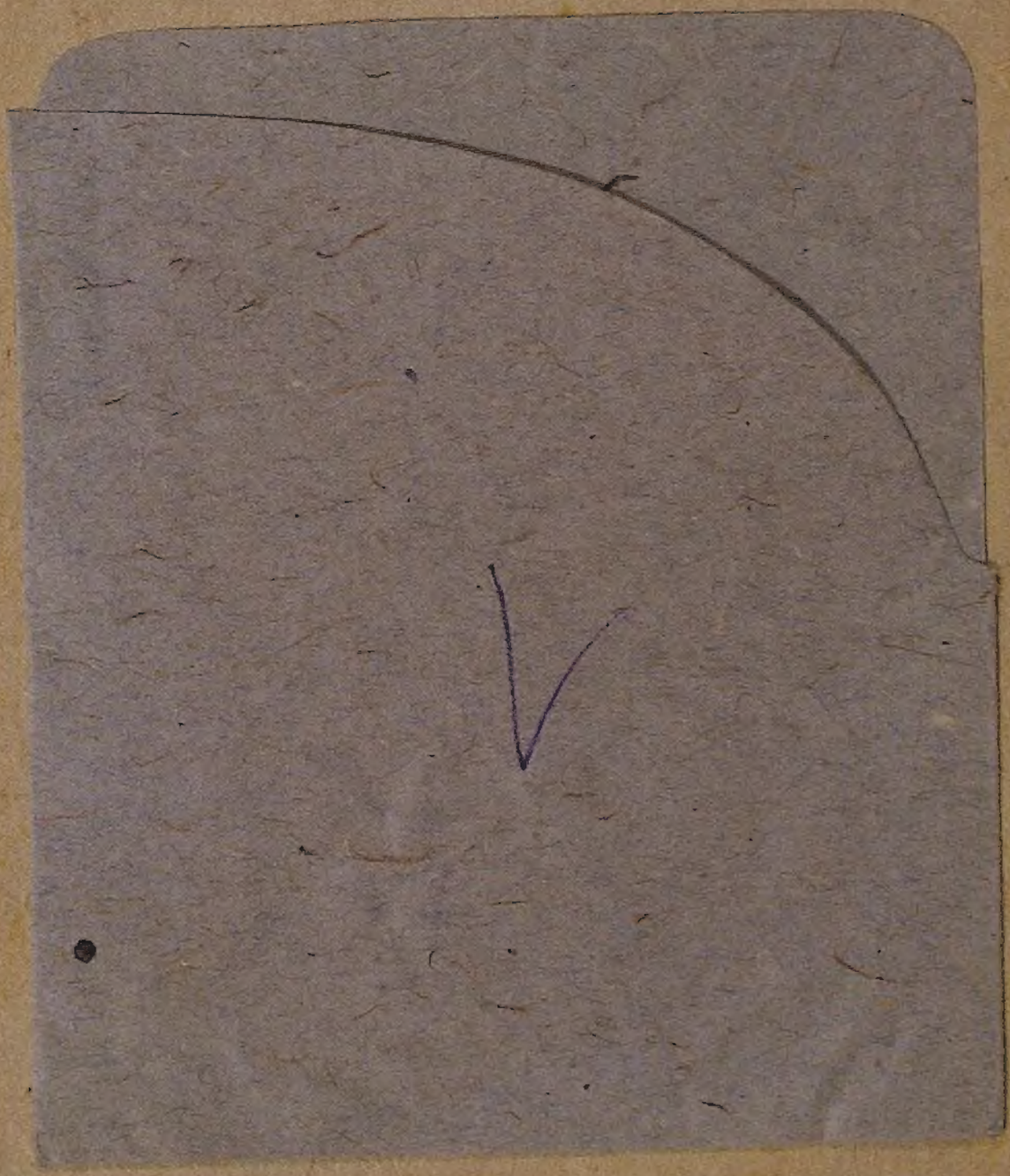
91(98)
С-764

СТАНЦИЯ СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1938



145

На дрейфующей льдине. Слева направо: тт. КРЕНКЕЛЬ, ПАПАНИН, ШИРШОВ и ФЕДОРОВ.

ОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА
им. А. С. ПУШКИНА
№ ____

91

**ПАПАНИНУ, ШИРШОВУ,
КРЕНКЕЛЮ, ФЕДОРОВУ.**

Поздравляем вас с успешным выполнением ответственного задания.

Вся наша страна гордится вашей героической работой.

Ждем вашего возвращения в Москву.

Братский привет!

И. СТАЛИН
В. МОЛОТОВ
К. ВОРОШИЛОВ
Л. КАГАНОВИЧ
М. КАЛИНИН
А. МИКОЯН
[redacted]

А. АНДРЕЕВ
[redacted]
А. ЖДАНОВ
[redacted]
[redacted]
[redacted]
Н. ХРУЩЕВ

«Правда» от 20 февраля 1938 г.

№

Радио «Ермак», 22/II-38 г.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.

Т.т. СТАЛИНУ, МОЛОТОВУ, ВОРОШИЛОВУ, КАГАНОВИЧУ, КАЛИНИНУ, МИКОЯНУ, [redacted], АНДРЕЕВУ, [redacted], ЖДАНОВУ, [redacted], [redacted], [redacted], ХРУЩЕВУ.

Волею советского народа, партии и правительства мы были посланы для работы на Северный полюс. Мы спокойно работали, зная, что родина всегда сможет оказать нам помощь. Когда наступил трудный для нас момент, пароходы, самолеты, мощный ледокол были посланы к нам. Мы безгранично благодарны партии и Вам, дорогой товарищ Сталин, за отеческую заботу о нас. Ваше сердечное приветствие, Ваша оценка выполненного нами задания глубоко взволновали нас, наполнили огромной непреходящей радостью. В Вас, товарищ Сталин, счастье советского народа. Вы — наша гордость и любовь. Мы всегда готовы выполнить любое Ваше задание, быть верными сынами советского народа.

ПАПАНИН, КРЕНКЕЛЬ, ШИРШОВ, ФЕДОРОВ.

«Правда» от 23 февраля 1938 г.

91(98)
С-764

СТАНЦИЯ «СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС»

ЖИЗНЬ ПАПАНИНЦЕВ НА ДРЕЙФУЮЩЕЙ ЛЬДИНЕ

84785

ОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА им. А. С. ПУШКИНА № ___

Издательство ЦК ВЛКСМ
Молодая гвардия
1938

В этой книге собрана значительная часть радиограмм героической четверки папанинцев, передававшихся ими за время пребывания на дрейфующей льдине.

Радиограммы эти, помещенные в свое время в газетах «Правда», «Известия», «Комсомольская Правда» и др., даются нами — в целях придания большей связности всему изложению — с некоторыми, незначительными, сокращениями.

БОЛЬШЕВИКИ НА ВЕРШИНЕ МИРА

22 марта 1937 года пасмурным весенним утром из Москвы на Север вылетела воздушная экспедиция, задачей которой было доставить на Северный полюс группу зимовщиков будущей дрейфующей станции: т.т. И. Д. ПАПАНИНА, Э. Т. КРЕНКЕЛЯ, П. П. ШИРШОВА и Е. К. ФЕДОРОВА.

21 мая опустился на лед в районе Северного полюса флагманский корабль экспедиции «СССР Н-170», пилотируемый М. В. ВОДОПЬЯНОВЫМ. На борту самолета находилась группа зимовщиков. 25 и 26 мая вылетели на полюс еще три самолета, пилотируемые В. С. МОЛОКОВЫМ, А. Д. АЛЕКСЕЕВЫМ и И. П. МАЗУРУКОМ.

Шестнадцать дней жили участники экспедиции с группой Папанина на полюсе. За эти дни было выгружено из самолетов имущество дрейфующей станции, и при помощи всего коллектива экспедиции создана первая в истории полярная научная станция на плавучем льду.

С первого же дня высадки на Северном полюсе заработала радиостанция Кренкеля, а научные работники Ширшов и Федоров развернули исследовательскую работу.

22 мая

Итак, мы на Северном полюсе. Советские люди достигли крайней северной точки земного шара. Здесь, в самом центре твердыни Полярного бассейна, в районе, к которому всегда были направлены устремления лучших и отважнейших представителей человечества, гордо реет государственный стяг нашей великой родины.

Мы горды тем, что именно на нашу долю пала честь разгадать вековые тайны Северного полюса. Для выполнения ответственного и почетного задания партии и правительства мы сделаем все. Советская наука получит материалы, необходимые для окончательного освоения Арктики.

Мы остаемся работать на Северном полюсе спокойными за свою судьбу и уверенными в успехе дела. В долгие месяцы нас будет согревать сознание, что мы не одни, что за нами и вместе с нами — весь многомиллионный братский Советский Союз.

25 мая

Самая северная земля нашей родины — остров Рудольфа — осталась за стабилизатором флагманского корабля. После разведок Головина и его полета 5 мая на Северный полюс, Водопьянов, выждав погоду, повел свой корабль к вершине мира. Это было 21 мая в 4 часа 52 минуты.

На корабле все были заняты своим делом. Водопьянов и Бабушкин вели самолет, следили за льдами, определяли их пригодность для посадок. Радист Иванов держал связь с Рудольфом. Спирин и я занимались астрономическими определениями. Курс держали по солнечному компасу и радиомаяку.

Шли часы полета тяжело нагруженного корабля. Погода была изменчивой. Значительную часть пути летели над облаками. Когда в облаках показывались «окна», нам открывались картины центрального арктического бассейна — льды, льды, льды.

Наконец, Спирин установил — здесь полюс. Он рукой показал Водопьянову: «Полюс!» На корабле радость. Все восторженно смотрят вниз, но полюс закрыт облаками. Отто Юльевич разрешил пробить черную массу облаков. С двух тысяч метров Водопьянов повел самолет на снижение.

Туман. Он окончился на высоте 600 метров, и тогда показался сплошной лед с редкими торосами и разводьями. Водопьянов и Бабушкин наметили льдину и начали ее обследовать с воздуха, описывая над ней широкие круги. Флагштурман Иван Тимофеевич Спирин, указавший путь на полюс и точку полюса, бросил дымовую ракету. Это помогло определить направление и силу ветра. Когда высота была ничтожно мала, мы все заметили высокий ропак, а за ним гладкое заснеженное поле. Водопьянов виртуозно перелетел через ропак и выключил моторы. Самолет без толчков заскользил гигантскими лыжами по ледяному аэродрому полюса.

Мы — на вершине мира. Горячо поздравляем друг друга. Трояновский начал с увлечением снимать жизнь советских зимовщиков на Северном полюсе. Началась работа по установлению рации и разбивке лагеря.

29 мая

Первые дни нашего пребывания на Северном полюсе проходят незаметно. По горло заняты хлопотами со своим обширным хозяйством. Для сна почти не остается времени. Отдыхаем урывками. Все эти дни торопились освободить скорее воздушные корабли, доставившие наше имущество.

Теперь разгрузка закончена. Три самолета стоят на ледяном аэродроме пустые. Пересчитываем и расставляем выгруженные ящики и банки. Мы обеспечены продуктами, одеждой и горючим надолго.

Постепенно обстраиваемся на льдине и начинаем ее обживать. На белом фоне выделяется наш дом — черная палатка, стены которой, подбитые гагачьим пухом

и обтянутые брезентом, будут защищать нас от холода, снега и ветра. В связи с окончанием нашего «жилищного строительства» состоялось новоселье. Из легких временных шелковых палаток мы переехали в жилой «дом». Впрочем, он так легок, что может быть поднят силами его жильцов. Сейчас сооружаем к палатке снежную пристройку, в которой думаем разместить кухню.

С помощью экипажа самолетов установили ветровую электростанцию. Обдуваемая полярным ветром, она машет своими крыльями, оживляя пейзаж и радуя наши сердца. Станция «сдана в эксплоатацию»: она уже зарядила аккумуляторы. Теперь в наших руках имеется источник электрического тока для связи по радио со страной.

Невдалеке построена снежная радиорубка и машинное отделение. Сейчас, пока не улетели еще самолеты, наш лагерь на полюсе выглядит маленьким поселком. Скоро он опустеет, и мы останемся здесь на долгие месяцы вчетвером.

Нам не терпится приступить скорее к исследованию полюса. Федоров и Ширшов ведут уже регулярные астрономические, магнитные и метеорологические наблюдения. Что находится под нами? Под трехметровым слоем льда начинается непромеренная еще толща воды. Мы хотим узнать глубину океана, отделенного от нас коркой льда, и взять первую пробу грунта. Но специальная лебедка, при помощи которой можно проделать эти операции, находится на борту самолета Мазурука. С нетерпением ожидаем его прилета. Мазурук доставит нам последние вещи. Погода, к сожалению, не благоприятствует полетам.

Работаем с огромным подъемом, чувствуем внимание и поддержку всей страны, пославшей нас.

30 мая

Наступили нормальные будничные дни для нашей дрейфующей экспедиции. Все работы идут строго по плану, который нарушаем только в авральных случаях. Но, так как кроме плановой работы мы ведем «капитальное строительство», наше время заполнено доотказа. Каждый из нас, кроме своей прямой специальности,

занят десятками других дел. Все мы — строители, товароведы, грузчики. Сейчас рассортировали все свои грузы. Распределяем их на нескольких базах в разных концах льдины. Делаем мы это для того, чтобы при сжатии льдов не потерять всех запасов.

Наш жилой дом вызывает общую зависть участников экспедиции. В нем сделаны настоящие койки и столы. Пол покрыт оленьей шкурой, стены утеплены. Участники зовут нашу палатку «Домом Советов». Это и есть дом советских людей на Северном полюсе.

3-июня

День ото дня наша станция обогащается различными действующими приборами. Сегодня установили у жилой палатки самопишущий прибор для записи скорости ветра. Федоров оборудовал палатку для гравитационных исследований. Вечером он начнет определение силы тяжести.

Вообще даже в самые напряженные строительные дни мы не прекращали научных наблюдений. Уже получены некоторые интересные данные, например, определение магнитного склонения в районе полюса. Оно расходится с прежним теоретическим подсчетом.

Наблюдение за ветровым режимом показывает весьма значительное преобладание северных и северо-западных ветров. Правда, эти названия здесь звучат весьма условно, так как практически во все стороны от нас тянется юг. Север — это наш лагерь...

*

Сегодня мы придрались к круглой цифре и празднуем «юбилей». Первые дни мы подсчитывали каждый час пребывания на полюсе, сейчас же такой счет уже нас не устраивает, и время измеряется даже не днями, а неделями. Сегодня как раз исполнилось две недели — полмесяца нашего «североподюсного стажа». Мы снаряжаем по этому поводу делегацию к летчику Орлову, дежурящему на кухне и составляющему сегодняшнее меню, и, кажется, наши требования о двойных порциях сладкого будут учтены шефом-кулинаром.

Вчера Федоров совершил первую дальнюю лыжную вылазку. Цель не экскурсионная и не спортивная. Лыж-

ные прогулки здесь не так приятны, как на Воробьевых горах: на каждом шагу расставлены злые подножки. Мы решили, наконец, точно определить наши территориальные богатства. Федорова отправили разведчиком и топографом. Сейчас мы можем рапортовать Картографическому управлению, что новая советская точка равна двум с половиной километрам в длину и почти полутора километрам в ширину. Наши границы не внушают никаких опасений. Они окружены крепким валом из старых и крупных обломков льдов — свидетелей, должно быть, очень давних ледовых столкновений. Федоров обошел все эти крепости, за которыми лежат большие ледяные поля, но более тонкие, с многочисленными трещинами, с голубыми отсветами. Когда усиливался ветер, было видно, как сходились и расходились тонкие трещины. Это было замечательное зрелище.

4 июня

Десятки лет человечество мечтало о достижении полюса. Мы задались целью не только достичь полюса, но доказать всему миру, что советская техника всемогуща. И вот самолеты, посланные великой Советской страной, достигли цели.

Это стало возможным только благодаря высокой технической мощи нашей родины, блестящим летным кадрам, неустанной горячей поддержке правительства, партии и лично товарища Сталина.

В течение года мы готовились к этой зимовке. В результате годичной работы станция обеспечена самым совершенным научным оборудованием, великолепным снаряжением, превосходными продуктами. Все делалось заново, специально для нашей экспедиции.

Самолеты, отправлявшиеся на Северный полюс, несмотря на свою большую грузоподъемность, могли взять все же ограниченное количество грузов, поэтому все делалось максимально легким. Грузы обычной полярной зимовки весят около 150 тонн, наш — всего 9 тонн. Все имущество портативно, вместе с тем надежно, удобно. Достаточно сказать, что наш основной дом весит всего 450 килограммов.

Прекрасное снаряжение и оборудование позволили

немедленно по прилете на полюс приступить к научной работе. Прежде всего мы создали метеорологический пункт. Через несколько часов после посадки мир получил первую в истории сводку погоды с Северного полюса. Наш метеопункт, несмотря на быстрое его оборудование, сделан солидно и рассчитан на длительную работу. На площадке установлены все приборы для наблюдений и регистрации погоды и ее изменений. Итак, начиная с первого дня, мы регулярно четыре раза в сутки сообщаем погоду всем метеорологическим учреждениям мира.

Лишь установив связь, сообщив погоду, мы разбили жилые палатки и занялись другими делами. Три дня мы ждали прилета остальных самолетов. За это время провели астрономические наблюдения; обследовав свою льдину, измерив толщину льда, признали ее вместе с О. Ю. Шмидтом годной для постройки станции. А когда 26 мая прилетел самолет Молокова, затем Алексеева, мы с помощью участников экспедиции начали строительство станции. Собрали, свинтили, обтянули свою основную жилую палатку, устлали ее шкурами и переехали. В палатке тепло, просторно, уютно. Каждый зимовщик располагает алюминиевой койкой, есть стол, стулья, над столом висит портрет товарища Сталина.

Все имущество, доставленное самолетами, — научные приборы, продукты, снаряжение, одежда, оружие, горючее, тщательно рассортировано, приведено в порядок, проверено. Все оказалось в идеальном порядке, прекрасно перенесло перевозку и посадку на неподготовленном аэродроме. Особенно нас обрадовало, что точнейшие научные приборы оказались в полной исправности и нисколько не пострадали.

Внимательное изучение дрейфа, сделанное вместе с Отто Юльевичем, показывает, что нас несет пока в сторону Атлантики. С прибытием самолета Мазурука, на борту которого находится почти вся основная гидрологическая аппаратура, мы сумеем конкретнее, точнее узнать механизм дрейфа, его законы, скорость, направление. Во всяком случае, мы рассчитываем целиком выполнить всю намеченную нами программу работ.

Через несколько дней самолеты отправятся в обратный путь. За дни перелета, дни совместной жизни на

льдине мы кровно связались с замечательным коллективом экспедиции, этими мужественными, самоотверженными людьми сталинской закалки. Они стали нам близкими, родными, и нам жаль с ними расставаться.

С отлетом самолетов на льдине Северного полюса останутся четыре советских человека. Но когда улетят корабли, мы не почувствуем себя одинокими: мы знаем, что за работой дрейфующей станции будет следить вся наша великая страна. Мы каждодневно ощущаем ее воодушевляющую поддержку.

5 июня

Вчера у нас был большой день. Впервые в районе полюса удалось взять пробы воды Ледовитого океана. Сделано это при помощи самодельной лебедки, установленной на нартах.

Утром мы отвезли эту лебедку к трещине и опустили батометры на глубину в тысячу метров. Гидрологу Ширшову удалось взять пробы воды с глубин в 300, 400, 500, 750 и 1 000 метров.

Термометры показали, что здесь, в центре Ледовитого океана, проходит мощный слой сравнительно теплой воды, повидимому, атлантического происхождения. Связь этого теплого течения с Гольфстремом окончательно будет установлена после химического анализа проб. Сейчас Ширшов готовится к более точному определению верхней и нижней границ теплого слоя.

Уже первые результаты работ этой пробной самодельной гидрологической станции вызвали исключительный интерес у участников экспедиции. До сих пор о существовании теплых вод в центре Ледовитого океана ничего не было известно. Вчера же нам удалось выловить в океане крупного рачка-бокоплава и несколько мелких рачков. Несмотря на их внешнее сходство с известными нам типами рачков, они являются пока уникальными представителями водной фауны в районе Северного полюса.

НА ЛЬДИНЕ ОСТАЛИСЬ ЧЕТЫРЕ ЧЕЛОВЕКА

Товарищи Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Ежов и другие руководители партии и правительства обратились к участникам экспедиции со следующим приветствием:

«Партия и правительство горячо приветствуют славных участников полярной экспедиции на Северный полюс и поздравляют их с выполнением намеченной задачи — завоевания Северного полюса.

Эта победа Советской авиации и науки подводит итог блестящему периоду работы по освоению Арктики и северных путей, столь необходимых для Советского Союза.

Первый этап пройден, преодолены величайшие трудности. Мы уверены, что героические зимовщики, остающиеся на Северном полюсе, с честью выполнят порученную им задачу по изучению Северного полюса.

Большевистский привет отважным завоевателям Северного полюса!»

6 июня в 2 часа ночи состоялось официальное открытие станции «Северный полюс». Самолеты экспедиции вылетели в обратный путь на Большую Землю.

На льдине остались четыре человека: начальник дрейфующей станции Иван Дмитриевич Папанин, радист Эрнест Теодорович Кренкель, гидролог Петр Петрович Ширшов и астроном-магнитолог Евгений Константинович Федоров.

6 июня

Сегодня мы прощаемся с отважными товарищами, совершившими свой изумительный перелет, чтобы доставить нас на полюс. Мы крепко жмем руки Отто Юльевичу Шмидту, замечательным пилотам нашей страны, их помощникам-бортмеханикам, зорким и точным штурманам, инженерам, радистам и другим членам первой советской экспедиции на Северный полюс.

Наши товарищи улетают обратно. Мы же остаемся на дрейфующей льдине, чтобы расширить знания человечества, чтобы раскрыть все тайны полярной природы, которые до сих пор остаются скрытыми от глаз и ума ученых.

Велика почетная наша задача. Велика непередаваемая наша благодарность великой родине, поручившей нам это большое и ответственное дело. Все свои силы, всю свою энергию, все свои знания и опыт отдадим мы на разрешение поставленной перед нами задачи.

Мы далеко от родины, от своих соотечественников и друзей. Тысячекилометровые ледяные пространства отделяют нас от любимой родины. Никогда эти пространства не оторвут нас, граждан СССР, от своей страны — первой в мире страны социализма, от людей этой страны, от большевистской партии.

Мы полны энергии, сил и бодрости. Мы уверены в абсолютной успешности нашей экспедиции. Мы остаемся здесь маленьким, но крепким, могучим коллективом. Могучим потому, что за нами стоит самая могучая в мире страна. Мы победим!

Лучшие наши помыслы, чувства величайшей пре-

данности и любви мы шлем великой ленинской партии, руководителю и другу трудящихся — товарищу Сталину.

7 июня

...С особым нетерпением ожидали прилета Мазурука мы, зимовщики на дрейфующей льдине. Хотелось не только увидеть товарищей, но и получить большую часть нашего научного снаряжения. В лагере все заволновались, когда в сером небе появились просветы.

Наступила летная погода. Ночью шли разговоры по радио с самолетом Мазурука. Утром был приготовлен ледяной аэродром. Наконец, оранжевый самолет показался на горизонте. Мазурук отлично сел на нашу льдину. Все мы восторженно встретили друзей. Началась разгрузка корабля. Теперь у нас есть долгожданная глубоководная лебедка. Ширшов несказанно рад — он сможет тщательно изучать глубины океана.

Самолет Мазурука доставил в ледовый лагерь последние грузы и пятого зимовщика: у него уши торчком, хвост кренделем, кличка «Веселый». Это чукотская собака. Веселый будет охранять наш дом от неожиданных визитов медведя, поможет тянуть нарты.

После прилета Мазурука, которого ждала эскадра, стала очевидной близость разлуки. Летчики занялись выработкой маршрута на остров Рудольфа. Спирин проверял приборы, держал связь по радио с полярными станциями. Водопьянов провел смотр воздушной эскадры.

В ночь на 6 июня были закончены все работы по строительству и благоустройству нашего лагеря. Приборы поставлены на места, все в порядке. Спасибо товарищам летчикам, механикам, инженерам, штурманам, руководителям: они хорошо помогли нам и построили лагерь на славу! В 2 часа ночи, после окончания работ, состоялось открытие полярной станции «Северный полюс». Среди льдов и снега советские люди провели митинг, подняли флаг, салютом и возгласами «ура» приветствовали родину, нашего вождя — товарища Сталина. На митинге все участники экспедиции единодушно приняли рапорт на имя товарищей Сталина и Молотова.

Едва закончился митинг, как зарокотали моторы всех четырех воздушных гигантов. На полярных станциях внимательно прислушивались к сигналам станции «Северный полюс».

Водопьянов решил обязательно лететь.

Раздалась команда:

— По машинам!

Моторы загрохотали, от них над льдом поднялись снежные вихри. Вскоре все, кроме нас четверых и Веселого, были в самолетах. Отто Юльевич тепло попрощался с нами, пожелал успеха, здоровья, бодрости.

Конечно, после шума большого коллектива трудно сразу привыкнуть к одиночеству среди льдов, но мы в Арктике не первый день, и молчание белой пустыни не страшит, а, пожалуй, даже радует возможностью спокойно работать. Самолеты захватили наши письма и фото. Первая почта с «Северного полюса»: Папанин поставил свой штамп на конвертах: вот радость для филателистов!

В 3 часа 37 минут все четыре, облегченные от груза самолета легко поднялись с аэродрома, за ними потянулись темные дымные следы от работающих моторов. Самолеты пробили облака и скрылись в них.

На дрейфующей льдине остались четыре человека.

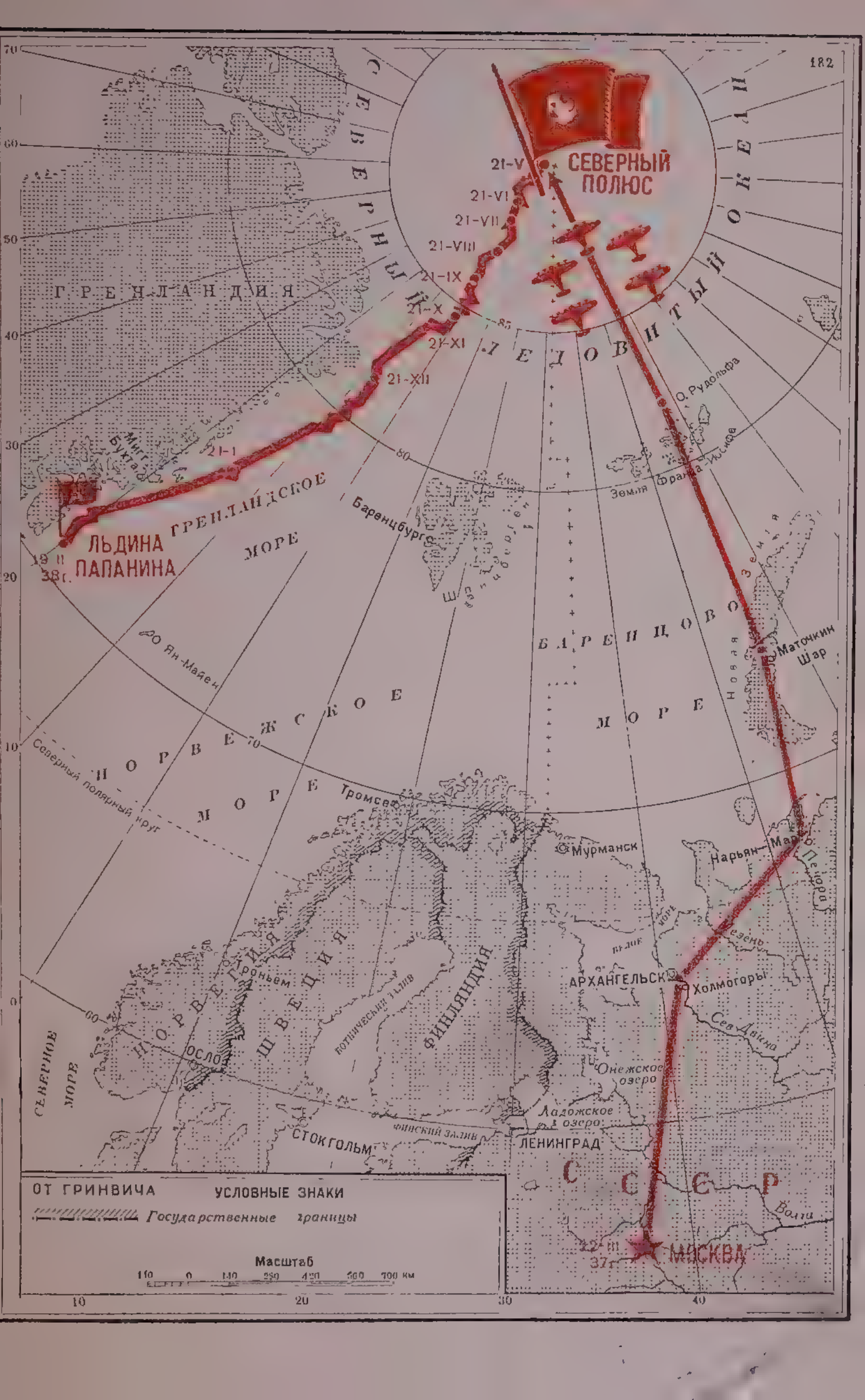
Одни... Но разве мы одни? С нами вся родина, партия, мы чувствуем внимание, заботу своей великой страны.

Мы вернулись в благоустроенный плывущий лагерь Теперь начинается точно распланированная жизнь, вся подчиненная всестороннему изучению Северного полюса.

10 июня

...Затихла пурга, стало спокойно. Снаружи палатки сравнительно тепло — 5 градусов мороза, а в нашем арктическом доме, построенном из брезента, шелковых покровов и гагачьего пуха, почти жарко: плюс 20 градусов. Жилище хорошо согревается ярким полярным солнцем.

Чувствуем себя хорошо, спокойно. Свободное от научных работ время занимаемся приведением в порядок обширного хозяйства. В лагере построены три


СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС
21-V
21-VI
21-VII
21-VIII
21-IX
21-X
21-XI
21-XII
21-I
ЛЬДИНА ПАПАНИНА
19 II 38 г.
СЕВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАН
ГРЕНЛАНДИЯ
ГРЕНЛАНДСКОЕ МОРЕ
Баренцбург
Земля Франца Иосифа
О. Рудольфа
Новая Земля
Маточкин Шар
БАРЕНЦОВО МОРЕ
Ян-Майен
НОРВЕЖСКОЕ МОРЕ
Северный полярный круг
Тромсе
Мурманск
Нарьян-Мар
Печора
АРХАНГЕЛЬСК
Холмогоры
Сев. Двина
Онежское озеро
Ладожское озеро
ЛЕНИНГРАД
Волга
НОРВЕГИЯ
Тронъем
ОСЛО
ШВЕЦИЯ
ФИНЛЯНДИЯ
Ботнический залив
Финский залив
СТОКГОЛЬМ
СЕВЕРНОЕ МОРЕ
СССР
22 III 37 г.
МОСКВА
ОТ ГРИНВИЧА
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ
Государственные границы
Масштаб
110 0 110 220 330 440 550 700 км

склада, предназначенных для хранения продовольствия и всего снаряжения. Иван Дмитриевич Папанин называет их «ледовыми амбарами». Если во время сжатия льдов один из складов будет уничтожен, мы найдем продовольствие, горючее и все необходимое в остальных двух «амбарах».

Кренкель слушает Большую Землю и ежедневно разговаривает с нею. В каждой полученной радиограмме мы чувствуем любовь и заботу нашей великой родины.

Начиная с 5 июня дрейф льдины резко повернул на восток.

14 июня

Вечером 11 июня здесь была первая положительная температура за время нашего пребывания в районе Северного полюса: плюс 0,3 градуса.

Стоят туманные безветреные дни. Это заставляет нас сокращать количество отправляемых радиограмм, так как ресурсы нашей электроэнергии находятся в прямой зависимости от работы ветряка.

В «выходной день», 12 июня, мы отлично провели вечер. Сидя в уютной палатке, пили чай и слушали патефон, который подарил нам Мазурук.

13 июня большое оживление внесла в нашу жизнь новая сенсация: на дрейфующую станцию прилетела чайка. Мы ей очень обрадовались. После появления пуночки, чистика и чайки можно считать установленным, что птицы залетают на Северный полюс.

Научная работа на станции «Северный полюс» идет полным ходом. Ширшов оборудовал гидрохимическую лабораторию. Он уже успел обработать первые пробы океанской воды, добытые с различных глубин.

Сегодня на завтрак были свежие яйца, которые мы привезли на полюс в мороженом виде.

15 июня

Сегодня ясный, тихий день. На полюсе тепло, и мы высказываем шутливое предположение о возможности таяния крыш наших снежных построек.

Сегодня вырос еще один дом. Это большое, высокое помещение, сделанное из того же строительного материала — снега и льда, укрывающее нашу гидрологиче-

скую лебедку. Над входом предполагаем повесить плакат: «Осторожно — ветхий пол», так как сразу за порогом этого нового сооружения большая прорубь. Отсюда мы берем пробу воды, сюда опускаем наши приборы для измерения дна.

Кренкель только что закончил вахту, которая вызывает в нас очень много веселья,— это дежурство по кухне. Как и каждый из нас, он хранил до конца кулинарные тайны, и только сейчас мы узнали, что нам Эрнст приготовил гороховый суп с грудинкой, рисовую кашу и клюквенный кисель.

Сегодня Федоров совершил еще одну лыжную прогулку — отправился обследовать нашу территорию. Необходимо внимательно следить за передвижением поля. За последние дни смещения увеличились, и льдина поворачивается из стороны в сторону на один-два градуса. Вернувшись через полчаса, Федоров сообщил, что на наших ледяных границах, там, где всего шесть-семь дней назад мы видели намечающиеся трещины тонкого льда, сейчас широкие разводья, доходящие до десяти метров.

АРКТИЧЕСКОЕ ЛЕТО

День за днем ведут свои научные наблюдения четыре полярника. Регулярно четыре раза в день передает Кренкель в Москву метеорологические сведения. Ведут гидрологические и магнитологические наблюдения Ширшов и Федоров, и вот в эфир уже пошли первые сообщения о научных работах героической зимовки.

Кратковременный период арктического лета ознаменовался дождями, туманами. На льдине образовались многочисленные озера. Не раз папанинцы прерывали научную работу для того, чтобы укреплять свое жилье и перекидывать на безопасное место тонны груза.

Дважды над полюсом пронеслась красно-крылая птица. Чкалов и Громов летели из Москвы над Ледовитым океаном в Северную Америку. С волнением прислушивались зимовщики к гулу родных советских моторов.

Кренкель по радио завязывает связи со всем миром.

17 июня

Скоро исполнится месяц нашего пребывания на льдине, двигающейся вместе со льдами в центре Полярного бассейна.

Жизнь зимовки бьет ключом. Мы не замечаем хода времени. День наш складывается таким образом: в 6 часов утра побудка, производим первые метеорологические наблюдения, начинает работать наша радиостанция. Она передает результат научных наблюдений. После этого завтракаем и приступаем к дневным работам.

Солнце одинаково светит нам круглые сутки. Наступление вечера мы угадываем по общей усталости и зверскому аппетиту. Ложимся спать в первом часу ночи.

Ежедневно проверяем состояние льда около наших трех основных баз с продуктами и снаряжением. Не угрожает ли им опасность отколоться вместе со льдом от нас или быть поглощенными трещиной?

Наша снежная кухня не выдержала жара примусов и растаяла. Будем строить новую из парусины.

Двое суток не отходили от лебедки — делали гидрологическую станцию. Старались нащупать верхнюю границу слоя теплой атлантической воды. Добытые сведения являются чрезвычайно интересными. Ширшов занят сейчас их обработкой.

Папанин и Кренкель вдвоем обследовали трещины вокруг нашего ледяного поля. Мы находимся на острове, окруженном каналом шириной от десяти до двенадцати метров.

Федоров продолжает магнитные наблюдения.

Наша собака носится с оглушительным лаем по ледяным просторам, выслеживая воображаемого медведя.

За беспричинный лай и ложную тревогу Веселому крепко попадает.

22 июня

Весна здесь довольно своеобразна. 18 и 19 июня стояли туманные безветреные дни. Наступившая слабая оттепель дает представление о будущем лете на полюсе. С мутного неба падает мокрый снег. На льдине все мокро. Нет ни одного сухого предмета. Чтобы не продрогнуть, усиленно распиваем горячий чай. Мы предпочитаем легкий мороз такой погоде.

Вместе с другими станциями с волнением следили за смелым полетом Чкалова, Байдукова и Белякова. Очень рады, что мы, самые северные советские люди, слышали шум их мотора и тем самым можем подтвердить, что краснокрылый самолет пролетел над Северным полюсом.

★

...Сегодня впервые мы встретили недружелюбно, с каким-то чувством досады ясное, безоблачное небо. Вот если бы позавчера такую погоду, тогда с самолета была бы видна последняя точка советской земли, и мы, ее зрители, сумели бы проводить взглядом краснокрылый корабль героев.

— Все зависело от вас,— шутит Папанин, подтрунивая над Ширшовым и Федоровым,— приготовили вы мокрый туман и низкие облака, а нужно было безоблачное небо. — И тем же тоном заключает: — А еще «закройщики погоды».

Да, мы многое бы отдали, если бы можно было променять хмурую непогоду незабываемого дня на сегодняшнюю безоблачность. Но в ушах, привыкших к шуму авиационных моторов, остался все же гул чкаловской машины. Если мы и не видели самолета, то слышали, как победно гудел его мотор над нашей льдиной. Одновременно с нами, должно быть, старались пробить облака своим острым взглядом Чкалов, Байдуков и Беляков, чтобы увидеть и нас.

Мы только и говорим об этом. Если на Большой Земле не сходит с уст это событие, то нетрудно пред-

ставить, как взволновало оно нас — маленький советский поселок, где не так уж много новостей. Вот почему и злимся мы на ясную погоду: ведь сегодня нам не нужно это высокое безоблачное небо и полнейшее безветрие.

Тридцать шесть часов без перерыва дежурил наш Эрнст у своих приемников, следя за героическим экипажем, дерзко прокладывавшим свой победный путь.

— Ничего,— успокаивает и себя и нас Кренкель,— еще увидим над полюсом советские крылья.

Мы верим в это. Ведь только месяц нашей жизни на полюсе, и уже шумел над нами авиационный мотор. Когда покидали льдину корабли нашей эскадры, мы думали, что следующая встреча с самолетом состоится только через год — когда прилетят за нами.

А пока вместе с большими событиями течет размеренно наша жизнь. Нас несет вместе с колоссальными массами льда, мы проникаем все в новые и новые места неисследованного океана. Что может быть прекраснее этого!

23 июня

Месяц прошел чрезвычайно быстро. Сложное хозяйство, доставленное самолетами, стало привычным, вполне освоенным. Все приведено в порядок. Каждый предмет нашел свое место. Но мы находимся еще на летнем положении: гагачьи покрышки на жилую палатку не надеты, так как боимся испортить их сыростью.

Перед отлетом самолетов мы поглядывали на них с вожделением: уж очень много пригодных для нашего хозяйства вещей там находилось. Хозяйственный Папанин грозил отпустить летчиков в одних трусиках. Механики поддавались нашим уговорам, списывали лишние трубы, провода. Мы ничем не брезгали, все принимали с благодарностью. И все же случилось невозможное: один самолет увез нашу сковородку. До сих пор не можем успокоиться.

Даже на Северном полюсе существует проблема сохранения свежего мяса. На радость нашей собаке прокисло 50 килограммов мяса.

День чрезвычайно загружен. Ширшов и Федоров 16 часов в сутки заняты научными работами, в общих

работах участвуют лишь в случаях крайней необходимости. Кренкель занят на радиостанции или возится на кухне. Гордится, что кормит коллектив духовной и материальной пищей. Все так называемые наружные работы, осмотр баз, открывание грузов и присмотр за льдом, лежат на Папанине.

Общий подъем в 6 часов утра. Плотный завтрак. Рабочий день — до 10 часов вечера. Обед — около 6 часов вечера. Меню обеда самое разнообразное: на первое — супы: гороховый, перловый, борщ, свежие щи, свежая уха; на второе — каша, куриные и мясные котлеты, свежая свинина, рыба, зеленый горошек, охотничьи сосиски; на третье — чай, кофе, какао, компот, кисель.

Временами кажется, что мы живем где-то в степи. Наше поле настолько мощное, что прямого сжатия, торошения вряд ли можно ожидать. Внимательно следим за старыми трещинами. Несколько пустых нарт стоят наготове для переброски баз.

Две глубоководных станции дали глубины 4 290 и 4 374 метра. Как зеницу ока бережем пробы грунта. На станциях работаем все вчетвером: общий вес поднимаемого груза около 80 килограммов.

Первую пробу поднимали 6 часов, вторую — 4 часа. Наш «доктор», Ширшов, озабочен доставлением нам моциона на свежем воздухе. Как-то он сказал: «Моя первая помощь будет, вероятно, и последней», поэтому стараемся не прибегать к его медпомощи.

Радиосвязь держим с островом Рудольфа четыре раза в сутки. По мере надобности держим связь и с мысом Желания, бухтой Тихой и Баренцбургом.

До сегодняшнего дня продолжаем получать огромное количество поздравительных телеграмм со всех концов Союза. Положим все силы, чтобы оправдать доверие нашей родной страны.

27 июня

23 июня перенесли наш замечательный ветряк ближе к палатке, надежно его укрепили. В 2 часа 44 минуты началась сильная пурга. Палатки завалило сугробами снега. Ночью почти не спали, прислушивались к порывам ветра, часто выходили для осмотра наших баз.

Наружняя температура — минус 2 градуса. Температура в жилой палатке — от 4 до 8 градусов тепла.

Начали регулярно работать с радиолюбителями на диапазонах 20—40 метров. Позывной: «Упол». Время в основном — от 22 часов до 0 часов 30 минут по московскому времени.

28 июня

Тускло светит солнце сквозь густой моросящий туман. Несколько часов подряд над льдинами стояла красивая, яркая радуга. Температура воздуха — нуль. Проваливаемся в мокрый, по-весеннему подтаявший снег. Дежурства несем круглосуточные, благо и солнце светит без передышки.

Каждый занят своим делом. Для удобства гидрологических работ Ширшов построил над лебедкой снежный домик. Парашют Водопьянова, честно служивший на самолете, а потом в качестве крыши над радиостанцией, сейчас перекочевал на ширшовский домик. Папанин занялся приведением в порядок наших драгоценных топливных запасов. Пришлось переливать керосин сифоном, потому что не работала помпа. Отсасывая воздух, Папанин основательно наглотался керосину. Оказали ему «скорую помощь»: лечили шоколадными конфетами и сигарами.

Все крепче и теснее наша радиосвязь с миром. Затаив дыхание, слушали мы митинг на Центральном аэродроме в Москве, посвященный возвращению экспедиции Шмидта — Водопьянова. Мы даже узнали голос Шмидта. Из Москвы доносились к нам крики «ура». Вечером мы связались с Диксоном, и нам сообщили подробности встречи. Конечно, страшно хотелось хоть одним глазком самим взглянуть на аэродром, на нашу прекрасную столицу. Мы взволнованы тем огромным вниманием, которое оказывают экспедиции страна и товарищ Сталин. Постараемся оправдать это высокое доверие.

Отто Юльевич сообщил, что на банкете в Кремле товарищ Ворошилов поднял тост за нашу четверку. Горячо благодарим Климента Ефремовича. Если потребуется, мы еще раз высадимся в любом месте, где это будет необходимо в интересах родины.

В свободные часы мы уже можем беседовать с полюса с любителями-коротковолновиками многих стран мира. 26-го в ночные часы связались по радио с французом Рейос. Он сообщил, что хорошо слышит полюс. Ближе к утру появляются бразильцы, Гавайские острова. Около 5 часов утра слышна оглушительная передача американцев. В 7 часов утра установили связь с одним американским любителем, живущим в Нью-Йорке. Коротковолновики передают поздравления, радуются необычной связи с полюсом.

Мы с нетерпением ждем того часа, когда, наконец, свяжемся с советскими коротковолновиками. Первый из них, который будет говорить с Северным полюсом, получит лично радиоприемник Кренкеля, находящийся в редакции журнала «Радиофронт».

2 июля

28 июня в 6 часов утра по радио из Москвы нам передали список участников экспедиции на Северный полюс, награжденных орденами.

Из-за слабой слышимости нам удалось разобрать лишь несколько знакомых фамилий. Подробно узнали в 13 часов с острова Рудольфа. Радости не было конца. Горячо поздравляли друг друга.

Вечером устроили банкет. Кушали торт, запивали коньяком, а коньяк — лимонным соком. По палатке барабанил первый проливной дождь, но омерзительная погода мало смущала нас.

15 июля

Ночью 14-го наблюдали первое серьезное сжатие на южной окраине нашего поля. Сравнительно молодой лед метровой толщины нагромоздился широкой грядой, местами высотой до восьми метров. Толчков не чувствовали. Ведь наше поле в несколько квадратных километров при средней толщине три метра весит несколько десятков миллионов тонн, обладает огромной инерцией. Мы очень довольны своей льдиной, однако, бдительности не теряем, круглые сутки следим за старыми трещинами.

19 июля

12 июля пришлось отменить еще один выходной день. С утра готовились к пролету громовского самолета — выводили на снегу громадный желтый круг, чтобы сделать более заметным наш небольшой лагерь. Мы мечтали увидеть родной советский самолет и конечно горячо хотели, чтобы Громов и его спутники заметили наш «город» на Северном полюсе. По пояс проваливаясь в мокрую снежную кашу, мы тащили на нартах бидон с краской и усердно разбрызгивали ее вениками. Но, увы, труды наши оказались напрасными. Непогода в нашем районе помешала Громову завернуть к нам, как помешала сделать это Чкалову. Но кому жаловаться? Ведь мы живем в самом центре «фабрики погоды»!

Обменявшись по радио приветствиями с героическим экипажем, Кренкель еще долго с жадностью ловил его радиограммы, даже после того, как самолет вошел в зону американских станций.

С затаенным волнением, как и все граждане Союза, мы следили за полетом, и не было предела нашему восторгу, когда узнали о завоевании сталинскими соколами нового мирового рекорда дальности...

Сегодня штиль. Ясно. Идеальная обстановка для наблюдений. Федоров второй день качает маятники, измеряя силу тяжести. Этой работе мешает теплота. Приходится часто вымерять прибор, который перекашивается на подтаивающем фундаменте.

Ширшов без устали крутит лебедку, подымает и опускает верхушку, измеряет течения в толще океана. Завтра будем измерять глубину. Внутри палаток солнце поддерживает теплоту до плюс 10—15 градусов. Жизнь идет нормально, как на любой советской полярной станции.

В «доме» приятно пахнет луком,— Иван Дмитриевич Папанин перебирает и сортирует прорастающие головки.

21 июля

Сегодня отмечаем наше двухмесячное пребывание на дрейфующей льдине. Обстановка стала привычной. Мы уже полностью освоились с местными условиями. Весь

распорядок нашей жизни подчинен основному требованию: произвести как можно больше научных наблюдений.

Если в первое время любое научное наблюдение являлось для нас новостью, подчас опровергающей кабинетные теории, то теперь научные работы перешли в новую стадию. Наши молодые ученые Ширшов и Федоров, подметив особенности окружающего района, уточняют наиболее интересные места и производят дополнительные научные работы.

Конечным результатом всех наших трудов будет точнейшее, никем неоспоримое и непоколебимое представление о центральной части Полярного бассейна.

Научных материалов у нас сейчас много. Мы едва поспеваем их обрабатывать. Ограниченное количество посуды, например, часто заставляет Ширшова работать круглые сутки, чтобы освободить посуду для следующей гидрологической станции.

Теперь уже установлено, что даже на глубине 3 000 метров есть жизнь животных. Не сохранить их образцы было бы преступлением.

По досадной оплошности весь спирт, необходимый для научной работы, забыт на острове Рудольфа. Ширшов разрешил эту проблему тем, что гонит спирт из коньяка.

Во время сна Ширшова и Федорова научные наблюдения ведут Папанин и Кренкель. Много сил и времени отнимает бытовое обслуживание, которое целиком падает на них обоих.

Образовавшиеся на льдине озера заставляют нас переносить запасные базы на новые места. По колена в воде перекидываем тонны груза. Папанин роет канавы для отвода воды в нашу прорубь, возит снег для засыпки палатки, ходит перемазанный от вечного ремонта примусов.

Надо еще успеть приготовить пищу, общим авралом за четыре часа работы достать пробу грунта с 4 000 метров. При этом требуется внимательно следить за часами, чтобы не пропустить передачи очередных метеосводок и радио.

Огромный пакет книг, очевидно, останется неразвязанным. Нет времени читать.

Радиограммы заменяют нам газеты и книги. Поэто-
му живем хорошей, полнокровной жизнью. Радиограм-
мы различных организаций и наших друзей достав-
ляют нам большую радость. Просим всех писать нам
побольше и почаще.

29 июля

В течение последних двух недель у нас стояла без-
ветреная погода. Мы находились в антициклоне.
Дрейф почти прекратился. Из-за отсутствия ветра вет-
ряк бездействовал. Экономя энергию аккумулятора, мы
прекратили посылку всяких радиограмм, ограничиваясь
только передачей установленных метеосводок.

Сплошной туман шесть суток мешал Федорову про-
извести астрономические наблюдения. Лишь сегодня
ему удалось установить место нашей льдины: сейчас мы
находимся на 88-м градусе северной широты и 8-м
градусе западной долготы — наша льдина попрежнему
в «чужом» полушарии.

Теплая погода вызывает сильное таяние снега, льди-
ны покрыты озерами. Наши базы высятся на ледовых
островках. Перед самым входом в палатку течет бур-
ный ручей шириной в полтора метра и глубиной в
полметра. На этом ручье мы произвели испытание на-
ших плавучих средств — байдарок, надувного резино-
вого клиппербота, способного поднять тонну груза.
Весь флот показал отличные качества. Попутно изучи-
ли фарватер ручья: в некоторых местах весло не до-
стает до дна.

Обилие пресной воды облегчило кухонную стряпню,
позволяет значительно экономить горючее. Раньше
для получения воды нам приходилось растапливать
снег.

Однако этот потоп все же сильно надоел, и мы нетер-
пеливо ждем заморозков. На-днях пробовали печи, ке-
росиновые лампы,— они отлично согревают воздух па-
латки.

С большими трудностями произвели очередную за-
сыпку палатки снегом; его приходилось искать по все-
му району Северного полюса и возить издалека на
нартах. Наша палатка высится пока на ледяном пьеде-

тале; принимаем героические меры, чтобы его сохранить. Вчера выпал первый мокрый снег, это нас обрадовало...

★

После семидневного «простоя» ветер вновь заряжает наши аккумуляторы, обеспечивая интересы печати.

Последние дни занимались обработкой результатов научных исследований, добытых за истекший месяц. Жатва большая. Взяты гидрологические станции, определена сила тяжести, сделаны магнитные измерения, удалось зарегистрировать несколько магнитных бурь, выловлена всякая водяная живность.

Следующий месяц предполагаем работать на 87-м градусе.

5 августа

Стоят ветреные дни, радующие сердце неутомимого Эрнста. Кренкель замечательно работает. Аккумуляторы заряжены полностью. Не довольствуясь хорошей связью с островом Рудольфа, Кренкель установил запасные линии связи с мысом Желания, бухтой Тихой, Шпицбергеном. В руках Кренкеля радиостанция перекрыла все проектные нормы.

В дни, когда ветром наполнены аккумуляторы энергией, в свободный час Эрнст настраивает передатчик на волну 20 метров и, по выражению Ивана Дмитриевича Папанина, начинает «мыкать»: «Всем, всем, всем. Это советская экспедиция на Северном полюсе. Слушайте, отвечайте!» И во всем мире слушают и отвечают.

Мы имеем «болельщиков» во всех концах света. Митер Тролез из Гонолулу знает о всех наших делах, он беспокоится, хватит ли нам снега, чтобы подсыпать его к палатке. Радиолюбитель сообщил, что местные газеты напечатали об обильном таянии снега в дрейфующем лагере. Кренкель успокоил своего «старого знакомого», заверил его в полной безопасности зимовщиков дрейфующего лагеря. Дважды установленная связь с Гонолулу является рекордной.

Американцы и австралийцы шлют нам привет и восхищаются победами Советской страны. Кренкель вни-

мательно слушает. Изредка раздаются его радостные восклицания: «Норвегия! Гавайи! Австралия!» — Эрнст разговаривает со всем миром.

7 августа

Опять идет дождь!.. Дождь барабанит по туго натянутой крыше, ветер воет в растяжках, ритмично, однообразно стучит ветряк, наполняющий наши аккумуляторы энергией. В такое время хорошо спать в теплом меховом мешке, обдумывать результаты научных наблюдений, планировать, вспоминать и мечтать...

В 3 часа утра дежурный по лагерю Эрнст Кренкель просунул голову внутрь палатки и возбужденно крикнул:

— Три медведя!

С северо-запада к лагерю подходила белая медведица с двумя медвежатами. Они приближались осторожно, с любопытством и опаской поглядывали на необычайные строения в ледяном царстве. Крутящийся ветряк, внезапно появившиеся человек и собака испугали зверей. Вскоре семейство повернуло обратно.

Кренкель начал их преследовать и выстрелил вдогонку беглецам. За Эрнстом побежал Папанин. Ширшов и Федоров стали на лыжи. Обгоняя всех, помчался вперед сорвавшийся с привязи наш друг Веселый. Вскоре собака скрылась из виду. Погоня была неудачной... Медведи исчезли в низком тумане среди торосов.

Все успокоились; Кренкель вновь стал на дежурство, а мы забились в спальные мешки. Часа через три вернулся Веселый, он устал от погони. Собака тяжело переносила неудачу, виновато скулила и терлась о ноги Эрнста.

8 августа

Первые дни августа ознаменовались открытием «охотничьего сезона». Вслед за медведями обнаружили на ближайшей поляне морского зайца, затем видели чайку и чистика.

Наш яростный охотник, Иван Дмитриевич Папанин, просидел целую ночь у трещины, подкарауливая вкусное мясо.

Однако добычливей всех оказался Ширшов: он не-

ерывно вытаскивает из морских пучин полные сетки
якой мелкой живности.

10 августа

...Мы, пожалуй, самые неспокойные жители Совет-
ого Союза, мы — непоседы и все время странствуем.
аше странствование называется дрейфом, и хотя наш
ольшой дом — черная палатка — все время как будто
ы на месте, мы на самом деле беспрерывно меняем
аше место под солнцем. Каким же законам подчиняет-
я дрейф? Почему беспрерывно меняются наши коор-
инаты?

Осветить эти вопросы — одна из основных задач на-
ей маленькой зимовки. Для этого мы приехали сюда
обосновались здесь всерьез и надолго. В первые дни
даже недели казалось, что мы движемся исключи-
ельно по воле ветра. И действительно, стоило ветру
одуть, и менялось направление движения льда. Мы
аже считали себя авторами простого, но очень важно-
о для нас открытия: определенным скоростям ветра
ответствуют определенные скорости дрейфа. Итак,
ам казалось, открыт закон непрерывного нашего
луждания! Мы не забыли учесть и отклоняющее дей-
твие вращения земли (каждое тело, передвигающееся
о земной поверхности в северном полушарии, стре-
ится отклониться вправо от первоначального направ-
ения своего движения).

Но вскоре мы были и разочарованы и удивлены. Это
лучилось тогда, когда накопилось достаточно наблю-
ений. Мы начертили на карте путь нашей льдины, из-
естный по астрономическим определениям. Потом ря-
ышком начертили тот путь, который сделала бы льди-
а, если бы слушалась только ветра. Этот второй путь
ам нетрудно было построить, зная скорость и направ-
ение ветра в любое время.

Перед нами лежали два пути. Они были петлисты,
игзагообразны, но не нужно было долго вглядывать-
я, чтобы заметить, что они резко отличаются друг от
руга. Говоря математически, между ними не было
одобия.

Если бы льдина двигалась только под действием вет-
а, то первый путь представлял бы собой уменьшенную

копию второго (льдина благодаря трению о воду движется гораздо медленнее ветра). Отсутствие подобия между линиями говорит о существовании других причин движения льда.

Исследуя зависимость дрейфа от ветра при различных направлениях движения, мы, пользуясь нехитрыми математическими приемами, отыскали эту дополнительную причину.

Оказалось, что помимо ветра лед увлекается постоянным течением с юго-востока со скоростью полторы мили в сутки. Если исключить действие этого течения, то подобие линии восстанавливается: сам по себе ветер, в соединении с отклоняющим действием вращения земли, гонит лед со скоростью около одной сотой по отношению к своей собственной скорости. Льдина при этом движется по направлению 40 градусов вправо от направления ветра.

Насколько постоянно найденное течение, сказать пока нельзя. Ведь мы наблюдаем ветер и дрейф только в одной точке великого Северного Ледовитого океана.

Вместе с тем совершенно ясно, что в конечном счете на дрейф всего ледяного покрова центральной части Арктики должно оказывать влияние общее распределение ветров в этой части Арктики. Возможно, что и это течение вызвано также общим за истекшее время ветровым режимом.

Сопоставление пути нашей льдины с действующим ветром не дает еще всех закономерностей дрейфа. Нам нужно знать, какой слой воды движется вместе со льдом, как меняется направление движения льдин во время ветра и т. д. Сейчас мы изучаем все эти данные. Счетчиком, отмечающим все детали нашего движения, служат гидрологические вертушки, опущенные в глубь моря. Они позволят нам проследить взаимное перемещение слоев воды относительно друг друга, точно установить направление и скорость океанских течений и движение льда. В результате длительного изучения всех этих элементов мы надеемся распутать сложную схему дрейфа льдов в центре Ледовитого океана...

В ПРЕДДВЕРИИ ПОЛЯРНОЙ НОЧИ

Коротко арктическое лето. Солнце все ниже ходит над горизонтом. С каждым днем становится все холоднее. Падает снег. Лужи и озера на поверхности льдины, досаждавшие зимовщикам, затянулись пленкой льда. Папанинцы начали энергичную подготовку к встрече полярной ночи.

5 октября героические зимовщики последний раз в этом году увидели солнце.

Льдину неуклонно несет на юг. Направление дрейфа параллельно нулевому — Гринвичскому — меридиану.

28 августа

За последние трое суток северный ветер быстро го-
нит дрейфующую льдину на юг.

На восточной стороне нашего поля идет сильное то-
рошение, достигающее высоты в шесть метров. Обиль-
но выпадает снег, изменивший привычный вид льдины.
Первая метель уже намела сугробы, достигающие ме-
тра высоты.

30 августа

Начинается зима. Свирепые норд-осты торопливо го-
нят нашу льдину на юг, мы проплыли 50 миль за 8
дней. Но югом, конечно, и не пахнет!.. Идет снег, за-
метающий торосы и полыньи; метель обложила наши
строения сугробами; монотонно стучит ветряк; иногда
слышится глухой шум: это на восточной стороне на-
шего поля идет сильное торошение, торосы встают вы-
сотой до шести метров.

4 сентября

Сентябрь начался штилевой, почти безоблачной по
годой. Мороз достигает десяти, временами пятнадцати
градусов.

Холода заставляют нас постепенно переходить н
зимнее положение. Кухонная палатка теперь водруже
на над прорубью Ширшова, что позволяет ему вест
свои мокрые холодные работы по гидрологии в срав
нительно удовлетворительных условиях. Кухня времен
но помещается в совсем крохотной палатке. Когда при
ходит время обеда, мы вчетвером едва втискиваемся
эту палатку.

Ручей, текущий под снегом около нашей палатки,

частью, еще не промерз. Его воду мы используем не олько для питья, но и для строительства: ставим реб-ом две доски, пространство между ними засыпаем негом и поливаем его водой. Через шесть часов — то звенящая ледяная стена. Ее можно наращивать и альше. Таким способом мы за два дня возвели рядом жилой палаткой роскошную поместительную кухню. Сияющая солнечная погода позволяет нам снимать все ти работы нашим киноаппаратом.

В ближайшие дни мы натянем на жилую палатку еплую оболочку, сделанную из гагачьего пуха, и за-ем объединим палатку и кухню общей крышей.

Всем работам благоприятствует штиль. Печально олько, что при штиле не работает ветряк и нельзя аряжать аккумуляторы. Пришлось ввести в действие инамомашину с ручным приводом. Результаты оказа-ись отличные. Слова этой радиограммы «выкручива-от» Папанин и Федоров; очередную метеосводку будет квертеть» Ширшов.

7 сентября

Вчера совершили очередной обход своих владений. Пройдя двенадцать километров, мы не встретили дру-гого столь же ровного большого ледяного поля, как наше. Лыжи легко скользили по крепкому льду. Пере-шагнув границу нашего мирка — большую трещину, попали на обширное поле, сплошь покрытое обветрив-шимися буграми. Километр за километром шли мы среди старых нагромождений, иногда залезая на один из бугров, чтобы проверить курс.

В шести километрах от станции наткнулись на боль-шое пресное озеро. Ровная, как каток, ледяная поверх-ность протяжением 200 на 400 метров выделялась се-рым пятном на снегу. Несколькими выстрелами проби-ли двадцатисантиметровый лед, измерили глубину. Оказалась до двух с половиной метров. Здорова же должна быть льдина, несущая на себе такое озеро!

Пройдя около десяти километров, попали в область сильного торошения. Многочисленные трещины пере-секали поля, не было цельной льдины протяжением больше 200 метров. Лишь несколько дней назад все здесь двигалось, трещало, ломалось. Трехметровые

плиты налезали одна на другую. Вывороченные, вздыб
ленные льдины громоздились высокими кругами. Сне
не успел еще сгладить, замести причудливые зеленова
то-голубые изломы. Мы залезали на восьмиметро
вые груды, осматривались кругом — на несколько ки
лометров протянулась эта хаотическая область. Жить
здесь было бы неуютно. Самолет, рискнувший сесть
сюда, разлетелся бы вдребезги.

На этом закончили маршрут, быстро вернулись до
мой. Решили до зимы подробно обследовать окрестно
сти во всех направлениях, чтобы составить ясное пред
ставление о характере окружающего льда...

★

Сто десять дней мы работаем на дрейфующе
льдине в Ледовитом океане. Прежде чем создать здес
станцию, пришлось проделать огромную подготовитель
ную работу. Была построена большая авиабаза н
острове Рудольфа, приспособлены специальные тяже
лые самолеты, создано заново сначала до конца вс
оборудование нашей станции, изготовлено специально
продовольствие.

Во все это вложено огромное количество труда
Оправдался ли этот труд?

Многие сомневались в успехе дела. Многие считал
невозможным самую посадку тяжелых машин на не
подготовленный аэродром и предлагали сбрасывать вс
оборудование станции на парашютах. Однако наши со
ветские летчики многократными посадками тяжелы
машин в районе полюса блестяще опровергли эт
утверждение.

Возможность точных научных измерений на дрей
фующем льду также многими оспаривалась. Частые то
рошения, трещины, самая жизнь налегке в палатк
казалось, заставляли ограничиваться лишь наиболе
важными наблюдениями. Наш план работы казался все
специалистам слишком обширным. Однако мы успешн
преодолеваем помехи и смогли широко развернуть вс
намеченные наблюдения.

Все оборудование станции оказалось в общем вполн
подходящим, несмотря на совершенную новизну и сво
образие условий нашей жизни. Наши валенки гиган

кого размера с глубокими калошами, казавшиеся мешными на материке, заслужили здесь признание: в их тепло ногам, одетым в меховые чулки. Очень хороши и удобны в работе рубашки из оленьего меха и штаны из шкуры нерпы. Как бы ни было холодно на дворе, за ночь мы отогреваемся в прекрасном мешке из олчьих шкур. На случай больших морозов мы имеем дополнительные мешки и комплект спальной одежды из очень легкого гагачьего пуха. Наша черная жилая палатка выглядит мрачной снаружи, но внутри это уютный, теплый дом. На дюралюминиевом каркасе натянута двойная брезентовая оболочка; скоро мы добавим третью оболочку — пуховую, так как начинаются морозы. Пол устлан оленьими шкурами, на которых мы сидим, поджав ноги, или лежим, отдыхая. Кроме двухъярусных коек, в палатке компактно размещены: вся радиостанция, метеоприборы, гидрохимическая лаборатория. Конечно, тесновато, но удобно.

Можно с уверенностью сказать, что ни одна полярная экспедиция не питалась так, как мы. Вообще наш быт устроен не плохо. Нехватает лишь одного — времени. Нам приходится исполнять работу, которую обычно ведет полярная станция со штатом в десять человек. Поэтому даже спим мало.

Помимо интенсивной научной работы, много хлопот отнимает поддержание в порядке всего хозяйства. Летом много заботы доставляла вода: приходилось перетаскивать базы, спасать от затопления жилую палатку. За последнюю декаду обстановка резко изменилась, наступившие морозы покрыли толстым льдом все лужи, пурга намела снежные сугробы.

Солнце ходит уже низко над горизонтом, скоро зайдет совсем. Приближается пятимесячная полярная ночь. Несмотря на усиленную работу, все чувствуют себя хорошо — втянулись. Кроме нескольких таблеток пирамидона, все лекарства остаются без употребления.

Мы полны сил и энергии. Знамя нашей родины, водруженное на Северном полюсе, мы держим высоко и пронесем его через просторы Арктики. Нашей честью мы считаем полное выполнение своего обещания, данного нашему родному и любимому Иосифу Виссарионовичу Сталину.

12 сентября

В последние дни мы энергично готовимся к встрече полярной ночи. На главную жилую палатку надели чехлы из гагачьего пуха и для бо́льшего утепления засыпали борта палатки снегом. В палатке сразу стало теплее.

10 сентября полностью закончили строительство и оборудование новой кухни, стены которой сделаны из льда. Крыша кухни и жилой палатки — единая; ветер и снег в кухню не проникают.

Вчера впервые зажгли керосиновую лампу. Она будет гореть до февраля. Вакантную должность «ламповщика Северного полюса» занял Папанин.

Сейчас нас быстро несет на север. Часто налетает пурга, сильный ветер. Настроение у всех превосходное. Наступление полярной ночи нас не тревожит.

На всякий случай на трех нартах мы устраиваем аварийный запас продуктов, горючего, одежды, палаток: в случае внезапного сжатия льдов или трещины, мы сумеем быстро перебраться на другое место. Правда, поводов для такого опасения у нас пока нет: наша льдина попрежнему крепка.

14 сентября

Воспользовавшись тем, что дрейф приостановился, мы произвели сегодня промер глубины на 86° 09′ северной широты и 1° 00′ восточной долготы. Оказалось, что здесь значительно мельче: глубина океана всего 3 767 метров, то есть на 500 с лишним метров меньше, чем в 32 милях к северу. Проба грунта почти целиком состоит из красновато-коричневого ила: нижний слой серого ила щуп не захватил.

Во время промера в гидрологической лунке наблюдалось колебание уровня воды. Лунка покрыта тонким льдом, в котором пробито отверстие для троса. Неожиданно из этого отверстия выплеснулась вода, уровень которой колебался еще в течение нескольких минут, подымаясь и опускаясь на полсантиметра. Минут через пять наблюдался второй всплеск воды, и снова уровень ее стал колебаться. Надо полагать, что эти всплески и колебания являются отражением сильного торошения льда, происходящего вдали от нашей стан

ции. На уровне теодолита колебания сказывались. Позже Федоров во время работы с гравитационными маятниками отметил толчки льда ориентировочно в северо-западном и юго-восточном направлениях. Несмотря на отсутствие ветра, ледяные поля, очевидно, продолжают двигаться, нажимая друг на друга.

17 сентября

В пасмурные дни и в ночное время у нас стало заметно темнее. Стараемся закончить до темноты все наружные работы. 21 сентября у нас двойной юбилей: полгода со дня отлета из Москвы и четыре месяца пребывания на дрейфующей льдине.

Сегодня сильный норд-остовый ветер; все закрывающая снежной мутью пурга. После обеда, во время которого из-за пара не видать собственной миски, мы все слушали голоса наших родных и знакомых: остров Рудольфа передавал специально для нас записанные на пластинки «говорящие письма». Слышимость и качество пластинок — отличные.

18 сентября

После большого дрейфа несколько дней спокойной погоды дали нам возможность провести несколько серий научных работ: проверить глубину океана, взять грунт на глубине 3 767 метров, сделать одну глубоководную гидрологическую и одну гидрологическую станцию на 700 метров. Хорошо проведены также геодезические работы. Сделаны три гравитационных наблюдения, суточная серия магнитной вариации.

Все приборы Федорова установлены теперь в ледяном домике, не боящемся ветра, в то время как палатки при ветре приходилось складывать. Воспользовавшись хорошей погодой и температурой — 18 градусов, построили еще один ледяной склад. Теперь в нашем лагере три ледяных домика.

Не успели опомниться от прошлого дрейфа, как снова сильным ветром с пургой нашу льдину бешеной скоростью понесло на юг. Следующее астрономическое определение покажет, что мы распростились с 86-м градусом.

26 сентября

С каждым днем становится все темнее и холоднее Повидимому, мы вступили в такую фазу дрейфа, когда начинает сказываться гренландский климат. Ручей, так упрощавший наши кухонные проблемы, покрылся теперь толстым слоем льда. Скоро нам придется снова заняться оттаиванием льда, чтобы получить воду.

Из-за наступающей темноты вынуждены прекратить киносъемку жизни на станции. Все больше времени приходится проводить при свете керосиновой лампы..

★

Максимальная высота солнца над горизонтом — 3 градуса, что сильно затрудняет Федорову астрономические определения. Однако на помощь уже приходит луна и первые видимые звезды.

Зима и темнота все больше вступают в свои права Начиная с 1 октября из-за темноты прекратим давать в наших метеосводках определение видимости и облачности.

Снег и пурга нам теперь не страшны, так как все имущество, вплоть до веревочек и щепочек, упрятано в надежные ледяные склады.

Брюки и рубашки сменили на меховые комбинезоны Голыми руками уже нельзя долго работать.

28 сентября

Для каждого из нас установлены разные сроки научных наблюдений и работ в продолжение суток, поэтому мы спим в различное время. Собираемся все вместе во время обеда — около трех часов дня.

Бессменным ночным сторожем от полуночи до шести утра является Кренкель. Без десяти минут шесть Кренкель будит Федорова на первые утренние метеонаблюдения. Вскоре он, стоя на коленях у приборов, составляет очередную сводку. Книга с метеошифром предельно затрепана. Но обозначение таких привычных явлений, как туман, снег, полная облачность, мы помним наизусть, и не требуется заглядывать в книжку.

В 6 часов 15 минут тоненьким голосом остров Рудольфа требует метео. Привычно щелкают переклю-

чатели передатчиков, ровным баском гудит машинка. Нарушая все правила радиослужбы, обмениваемся с радистом острова Рудольфа Стромиловым своими новостями, рассказываем, что слышали по радио.

Тем временем Женя Федоров уже вскипятил чай, нажарил целый ворох колбасы. Пьем чай в жилой палатке, иначе от мороза масло, икра, сыр становятся трудно-съедобными. Размачиваем сухари, чтобы оживленным хрустом не разбудить Папанина, который по собственному выражению «спит, как заяц».

Каждый из нас имеет свои небьющиеся стакан и миску. Это сделано для того, чтобы избежать мытья посуды — лишней траты горячей воды, а следовательно и горючего. Иногда утренний час прерывается проверкой хронометров или внезапно появившимся солнцем, требующим немедленных астрономических наблюдений.

После завтрака Федоров уходит в свой ледяной «кабинет» или остается в палатке, зарывается в тетради, справочники, таблицы, карты и что-то вычисляет.

Около 9 часов встают Папанин и Ширшов. Оба они не связаны жесткими сроками и поэтому имеют возможность понежиться в мешке. Ширшов, чтобы приучить себя быстро вставать, подвесил над головой плитку шоколада. Тот, кто будит его, одновременно пускает секундомер. Если через пять минут ноги Ширшова не коснутся пола, шоколад меняет владельца.

Папанин бодрствует. Гремит жесть: делаются подносы всяких форм и размеров. Гудит паяльная лампа: прожигаются засорившиеся примуса. Скрипит снег — значит неугомонный Иван Дмитриевич что-то откапывает. Горючее, базы, лампы, все переделки — круг неутомимой деятельности Папанина. Даже тогда, когда ледокол уже будет дымить около нашей льдины, Иван Дмитриевич наверняка еще будет хлопотать по хозяйству, торопиться получше лишний раз протереть ламповое стекло.

Ширшов целыми днями пропадает в своей палатке над прорубью. Мы дружески подшучиваем над его кокетством: почти каждые две недели он слегка смазывает лицо водой. Мы это делать не рискуем: опасаемся неравномерных полос на лице! Перепачканный в масле и тавоте, с посиневшими от ледяной воды руками, он

накапливает интереснейшие материалы своих наблю дений.

Очень трудно разогревать замерзшие кашу и суп так, чтобы ничто не подгорело. К блюдам предъявля ются два основных требования: погорячей и желатель но поменьше расходовать керосину! Исполнив это, де журный повар получает хорошую оценку. После обе да — часовой отдых, затем продолжаются начатые работы.

Очень уютно у нас за вечерним чаем, около десяти часов. Федоров уже спит, чай пьем втроем. Основные темы разговоров — Испания, Китай, Москва... Над каж дым изголовьем висят наушники. В половине двенадца того громко и отчетливо регулярно слушаем Москву.

Кренкель выходит делать очередные метеонаблюде ния. При ясном небе особенно ощутителен мороз. Ра дует спокойный свет луны, мерцающие звезды. Гори зонт закрыт морозной мглой, ветра нет — значит ноч ное дежурство будет спокойным и из мешка Папанина не будет раздаваться вопрос: «Как ветер?»

Оглушительно слышны почти все станции Европы. В последние дни трудно проходит в ночное время связь с Рудольфом. Его заглушает музыка из Будапешта.

Каждый час Кренкель осматривает лагерь, угадывая в темноте знакомые торосы. Толстым канатом повисла антенна, покрытая шубой неимоверно толстого инея. Скулит во сне пес Веселый: очевидно, видит страшный сон. Кругом звенящая тишина, изредка треснет где-то лед. Как будто все замерзло! Но эфир грохочет музы кой на все вкусы, и наверняка вертушка, опущенная в воду в пять утра, опять покажет значительный дрейф нашей льдины на юг, несмотря на безветрие.

29 сентября

Ссылаясь на авторитет Нансена, многие специалисты в своих статьях указывают на безжизненность Ледови того океана. Наш дрейф от полюса до 85-го градус проходил, казалось бы, по самым пустынным, лишен ным жизни, местам. Мы, четверо советских полярны исследователей, являемся свидетелями интереснейши явлений. Услышав на полюсе в день высадки чирикани птички, мы не поверили своим ушам. Потом увидел

эту птичку. Сразу же было выдвинуто предположение, что птица завезена самолетом. Однако в дальнейшем появились другие экземпляры, другие породы птиц. Мы видели различных чаек, чистиков и пуночек.

Ширшов, делая гидробиологические станции на разных глубинах, получает всегда богатый улов в виде медуз и всевозможных рачков. В открытой полынье неоднократно наблюдали и потребителя этой мелочи — морского зайца и нерпу. Нашим киноаппаратом мы хотели заснять морского зайца, но он оказался очень осторожным. Однажды Папанину удалось застрелить нерпу, но, к сожалению, течением ее утащило под лед. Не сомневаемся, что свежее мясо на нашей кухне будет. Наконец, гроза всех животных—белый медведь. Пиори, возвращаясь с полюса, видел медвежьи следы на 86-м градусе. Нас посетили на 88-м градусе три медведя.

Цель нашего дрейфа — проведение возможно большего количества научных наблюдений. Поэтому мы не можем уделять особое внимание охоте. Не подлежит сомнению, что, посвятив себя только охоте, можно достичь хороших результатов.

5 октября

В результате сильных южных ветров на северной границе нашей льдины в одном километре от лагеря образовалась очень большая полынья. Ледяные поля разошлись на 300—400 метров, длина разводья достигает нескольких километров. Ветер гонит по полынье волны. Все это выглядит очень внушительно.

Жизнь наша идет попрежнему размеренно и уплотненно. Федоров сделал электрическое освещение своего теодолита и, пользуясь звездами, определяет координаты с максимальной точностью.

Наши базы занесены снегом. Ветром его настолько крепко прибило, что нога не оставляет следа. Предстоит тяжелая работа по очистке баз от снега. Подувший северо-западный ветер несет льдину опять на юго-восток.

Сегодня мы в последний раз в этом году увидели солнце.

ВМЕСТЕ СО ВСЕЙ СТРАНОЙ

Тысячи километров отделяют дрейфующую станцию от Большой Земли. Но папанинцы не чувствуют себя оторванными и забытыми. Тысячи нитей связывают их с далекой родиной, с советским народом. По радио они следят за всеми событиями на материке. Их кандидатуры выдвинуты в Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик. В торжественный день двадцатилетия Великой Октябрьской социалистической революции к ним доносится голос Красной Москвы, речь товарища Ворошилова.

Повседневно ощущают папанинцы заботу и внимание великой страны, и это помогает им преодолевать все трудности в работе.

8 октября

Звон разбиваемого стекла, пыхтение паровоза под куполом вокзала, затем грозный сильный удар, звуки сбрасываемых досок, визг собаки, плач ребенка, стрекотание пулемета... Все эти звуки происходят от перегруппировки огромных ледовых полей. Чтобы немного переместиться, поле должно сбросить ледяные оковы молодого льда толщиной в полметра.

Полный штиль, безоблачное небо. Кругом со всех сторон несутся звуки. Изредка грохнет под самой палаткой. Кажется, что рушатся ледяные стены кухни. Внимательно, освещая фонариком, смотрим под ноги — нет ли свежих трещин. Собака Веселый совсем сбилась с ног, охрипла, отвечая лаем на все эти звуки.

Подвижка льда продолжается семь часов.

9 октября

Мы, исследователи Полярного бассейна, самые северные жители земного шара, ежедневно с большим вниманием следим за всеми сообщениями, передаваемыми по радио. С особенной радостью следим за тем, как по всей стране — на фабриках, заводах и колхозах нашей необъятной родины — проходит подготовка к выборам в Верховный Совет СССР. Радуемся активности трудящихся, претворяющих в жизнь новую, Сталинскую Конституцию.

Не было еще такой широкой патриотической кампании, как выборы по новой Конституции. Прямое и тайное голосование позволяет трудящимся выбрать достойных представителей, верных и преданных нашей партии, высоко держащих знамя октябрьских завоеваний.

На дрейфующей льдине в пургу и мороз нас согре-
ает чувство гордости за нашу страну, за новую, Ста-
инскую Конституцию, которая обеспечивает счастли-
ую, культурную жизнь всем трудящимся родины. Не-
мотря на нашу отдаленность, мы надеемся принять
ктивное участие в выборах в Верховный Совет СССР.

13 октября

Скоро исполнится пять месяцев дрейфа нашей льди-
ы. Чем южнее, тем быстрее нас несет. Когда мы
рейфовали в районе 88-й параллели, перемещение
ьдины на один градус к югу занимало, примерно,
есяц. Теперь на месяц градуса нехватает. Сегодня
ростились с 85-м градусом.

Сейчас наши координаты 84° 56′ северной широты и
° 30′ восточной долготы. Ветер западный, силой в
балла. Мы уже изучили здешние морозы: если небо
окрыто облаками, то температура 15—17 градусов,
сли ясно, то 25—27.

Условия для работы стали гораздо тяжелее. Осо-
енно трудно приходится Ширшову. Но на Ширшова
ороз ы не действуют. Добросовестным отношением к
елу он достиг больших результатов.

Федоров каждый день производит наблюдения. В
орошие дни он целыми сутками просиживает в своей
едяной обсерватории. 8 октября серия гравитацион-
ых наблюдений была сделана впустую, так как в этот
ень на льдине ощущались толчки. На следующие
утки вся серия была успешно повторена. Федоров
ровел микрофон к нашему теодолиту. Делая астроно-
мические отсчеты, он передает их в теплую палатку,
де Кренкель записывает по хронометру.

Объем нашей палатки около 20 кубометров. Круглые
утки горят лампы. Когда они плохо горели, мы об-
виняли в этом фитили и керосин. Оказалось, что лам-
ам для горения нехватало воздуха.

Мы себя отлично чувствуем. Работаем не меньше
5 часов в сутки, зато засыпаем, как убитые. Остается
ежурить на ночь один Кренкель. Иногда утром он
нас радует радиограммами из дому. Большую часть
ежурства он проводит с наушниками. Не помним слу-

чая, чтобы по вине Кренкеля не была установлен связь. Благодаря ему мы в курсе всех событий.

15 октября

Дует сильный ветер. Мороз доходит до 21 градус ниже нуля.

Трудновато в этих условиях брать гидрологически станции. Металлические части приборов быстро сты нут, и мокрые пальцы то и дело прилипают к металлу Стараясь сохранить тонкий трос, Ширшов придержи вается спасительного принципа: маслом троса не ис портишь... В результате и лебедка и гидролог обильн покрываются вязким машинным маслом.

Все отчетливее чувствуется приближение к Атланти ческому океану. Толщина слоя атлантической воды вс возрастает, а температура ее повышается.

19 октября

Утром 16 октября начался сильный норд-остовы ветер. В темноте при бешеной пурге было видно н дальше двух шагов. Временами сила ветра достигал 9 баллов. Слышны были только визг и вой бури.

На таком ветре пришлось заняться ремонтом обор ванной антенны. Связь с островом Рудольфа наруши лась, прием радиограмм был совершенно невозможен Дрейфующая льдина впервые не имела связи с внеш ним миром в течение 18 часов.

Обычно тускло горящие из-за недостатка воздуха лампы во время бури светили ярко: ветер хорошо вен тилировал палатку.

Сильный ветер продолжался двое с половиной суток Вечером 18 октября полная яркая луна осветила нане сенные за последние дни двухметровые сугробы.

2 ноября

Арктика — скверное место для магнитного компаса Здесь слабее всего та сила, которая заставляет ориен тироваться в определенном направлении магнитну стрелку и тем самым дает возможность правильно держать курс штурманам морского или воздушног корабля. Да и самая ориентировка магнитной стрелк

рчти неизвестна,— никто не измерял до сих пор скло-
ения в центральной части Ледовитого океана, то есть
го угла, на который отклоняется магнитная стрелка
направления истинного меридиана.

Склонения же меняются здесь очень резко,— здесь,
близи географического и магнитного полюсов, осо-
енно сильно чувствуется разница в положении геогра-
ического и магнитного полюсов и разница в направ-
ении географических и магнитных меридианов. По-
тому штурманы воздушных кораблей, пересекающие
рктику, должны обращаться к более сложным спо-
бам ориентировки — к гироскопическим и радиоука-
ателям курса.

Магнитные карты центральной части Арктики со-
тавляются на основании различных предположений о
ом или ином распределении магнитной силы по зем-
ой поверхности, так как экспедиции, которые доби-
ались до Северного полюса, не делали магнитных оп-
еделений. Наша дрейфующая экспедиция регулярно
ерез 30—40 миль измеряла элементы, определяющие
агнитную силу: углы склонения и наклонения и ве-
ичину горизонтальной составляющей, той самой, ко-
орая заставляет работать стрелку компаса. Наши
змерения послужат началом для составления надеж-
ой магнитной карты Полярного бассейна.

При магнитных измерениях в Арктике приходится
талкиваться с сильным влиянием магнитных возмуще-
ий. По всему земному шару магнитное поле не остает-
я неизменным,— склонение и наклонение и другие
еличины, характеризующие магнитную силу в любом
есте, непрерывно колеблются, отчасти правильно, пе-
иодически повторяя свои значения, иногда же испы-
ывая резкие отклонения, называемые магнитными
урями.

Почти все эти колебания обязаны действию некото-
ых солнечных излучений на верхние слои атмосферы.
роникающие в верхний слой атмосферы потоки сол-
ечных излучений вызывают там особые электрические
оки, в результате которых колеблется магнитное поле
емли. Большая часть этих создаваемых таким обра-
ом электрических заряженных частиц отклоняется
агнитным полем земного шара и затягивается в

полярные области. Поэтому во всех полярных областях магнитное поле не бывает спокойным.

В средних широтах колебания магнитного поля обычно настолько незначительны, что ими можно пренебрегать, при прокладке курса корабля или самолета. В Арктике же склонение, например, может очень часто отклоняться от своей средней величины на 5—10 градусов, что имеет существенное значение в сохранении точности полета. Таким образом, при составлении магнитной карты нужно отделить случайные колебания значений магнитных элементов от их среднего состояния. Для этого, сделав измерения, мы в течение суток следим за изменениями магнитной силы с помощью специального прибора. За сутки различные колебания компенсируют друг друга, и получается величина, правильно показывающая действительное распределение магнитного поля.

Сделанные нами измерения показывают, что магнитное поле здесь не имеет местных аномалий, то есть резко выраженных неправильностей. При нашем движении к югу величины магнитных элементов меняются постепенно, плавно. Склонение вблизи полюса было 40 градусов к западу относительно Гринвичского меридиана, теперь оно постепенно изменилось до 25—26 градусов, горизонтальная составляющая выросла почти вдвое, наклонение уменьшилось от 86 градусов до 84 с половиной.

Плавное и ровное движение нашей льдины от Северного полюса до границ Ледовитого океана дало нам возможность впервые в истории Арктики произвести точные магнитные измерения в громадном необследованном пространстве океана, где на этих широтах никогда еще не было плановых научно-исследовательских работ. Эта работа теперь выполняется нашей четверкой советских полярников.

6 ноября

Поздравляем всех трудящихся нашей дорогой родины, нашего родного и любимого отца, друга и учителя товарища Сталина с двадцатой годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции. В этот день по всей необъятной стране поднимутся ты-

и красных знамен. Все трудящиеся будут демон-
ировать преданность своему любимому и родному
алину.

Не прошли даром тяжелые годы гражданской войны,
пропала пролитая кровь лучших сынов нашей стра-
! Гений Ленина — Сталина провел нашу страну че-
з годы интервенции, разрухи, голода к двадцатой
довщине Великой социалистической революции. Мы
али самой могучей, самой демократической страной
мире.

Мы не знаем ни нужды, ни безработицы. Каждый
удящийся имеет право на труд, отдых и образова-
е. Всем этим мы обязаны нашей партии и лучшему
представителю — товарищу Сталину. Мы гордимся
шкой честью нести сталинскую вахту в пустыне Ле-
витого океана.

ноября

Деятельно готовились мы к празднику. Постепенно
ихала трехдневная метель, уступив безоблачной шти-
вой погоде. Такая погода всегда связана с сильным
розом. Температура упала до — 33 градусов. Наши
имусы работают на бензине, но, несмотря на это,
иготовление лепешек вместо сухарей и варка ли-
ра заняли много времени: надо было преодолеть мо-
з на кухне.

Вечером все приняли праздничный вид. Каждый по-
чил «паек» в виде чайника горячей воды. Засверкали
итвы, мыльная пена покрыла лица, приятно запахло
еколоном.

Первые ночные часы 7 ноября... Вместо обычного
дона, заменявшего нам стол, установлены два, так
к все яства не умещаются. На столах два сорта
нфет, сгущенное молоко, лепешки, сыр, икра и ку-
к торта, который специально берегли к празднику.

За дружеской беседой просидели до четырех часов
ра. В половине девятого мы слушали далекую празд-
чную Москву. Тускло горели лампы, температура в
латках ниже нуля. Углы тонут в темноте, глубоко
хлобучены меховые шапки. Отлично слышали речь
варища Ворошилова, передачу с крейсера «Аврора»
погранпункта.

Около часа дня состоялась наша демонстрация. Не государственный флаг СССР и портрет нашего уч теля и вождя товарища Сталина, мы подошли к о ромной гряде торосов. Папанин сказал краткую, глубоко прочувствованную речь. Ослепительно вспы нула магниевая ракета, выхватывая из темноты зан сенные пургой торосы. Легкий ветер развевал ал шелковые флаги, грохнул троекратный салют в чес нашей великой, горячо любимой родины.

16 ноября

21 ноября мы празднуем полгода нашего дрейф Мы будем рады, если вы, читатель, этот вечер мысле но проведете вместе с нами. Чтобы облегчить вам э задачу, мы укажем наш точный адрес.

Пройдя по восточному берегу Гренландии, сверни с одного из северо-восточных мысов на лед и про дите около 200 километров — здесь вы найдете на Наша последняя широта — 83° 38′. Дрейфующ льдина теперь уже не может больше именоваться с мой северной льдиной земного шара. Север Гренланд остался позади нас.

Последний сильный ветер образовал широкие тр щины и новые гряды торосов, но полная луна намн го облегчает ходьбу по снежным застругам. Эти з струги меняются с каждым ветром, и их изучае главным образом своими боками, падая и спотыкая

Наш лагерь становится заметен за 10—15 метро Как драгоценный камень светится ледяная обсерватор Федорова. Это горят лампочки карманного фонаря, Женя Федоров наблюдает. Вокруг палатки широк проход. В пургу здесь не особенно уютно. Мелк снег проникает через плотнейшую одежду. Немно позади — сугроб, а еще дальше — ровный снегов покров. Шаги по плотному, звонкому снегу и репли кого-нибудь из нас по поводу попадающихся застр гов слышны издалека.

Наша палатка похожа на кулич, обильно покрыт глазурью. Одиноко торчит одна изюминка — черн изолятор антенны. Тамбур плотно застегнут тройн дверью-фартуком. Пройдя внутрь, застегните е иначе фартук будет хлопать. Площадь тамбура вся

та четырьмя парами так называемых «тапочек». В ждой из них можно смело купать двухмесячного аденца. Пролезая сюда, нагнитесь пониже, иначе по-чите за шиворот целую порцию снега. Налево рас-ложена кухня.

Снимайте обувь и отряхните веником снег. Это лается на ледяной ступеньке, покрытой мехом. Здесь лгое время мешал ходить наш пес Веселый. За не-оровое любопытство, проявляемое к маслу, он был гнан отсюда.

Резиновая дверь на меховой подкладке открывается трудом. Ее держит резина, укрепленная за стойку латки. Полугодовой опыт научил нас ловко прохо-ть через дверь даже с горячими чайниками и ка-рюлями. Кстати, раз навсегда надо покончить с ределением нашего жилища как палатки. Это настоя-ий жесткий дом, у которого лишь крыша матерчатая. том в нашем доме было мало вещей. Зимние условия требовали значительно увеличить их количество. Мы к свыклись с нашим жильем, что находим его даже осторным.

Каждый из нас усвоил свой «катехизис» одевания. я Кренкеля действуют следующие правила: садясь в шок, не ударься головой об острый угол стола; на-вая фуфайку, не опрокинь пепельницу и пузырьки иршова; встав во весь рост, берегись острой гайки потолке; одевая брюки, правой ногой не опрокинь мпу, а левой не выбей из рук Ширшова его «пись-нный стол». Каждый из нас имеет свой письменный ол — это кусок фанеры.

Среди необъятных просторов Арктики наша «жил-ощадь», однако, ограничивается тремя квадратными трами. Это все, что осталось после размещения ве-ей. Мы не ощущаем ни запаха керосина, ни запаха рых оленьих шкур. Давно уже привыкли к оленьей ерсти. Наш доктор уверял нас, что проглоченный лос может вызвать апендицит. После этого мы стали лавливать из супа большие комки шерсти, не обра-ая внимания на более мелкую «расфасовку».

Направо от входа в наш «дом» — стол радиостанции. изу аккумуляторы, инструменты. Налево от входа на ене висит ящик, гордо именуемый буфетом. На по-

лу — ящики Ширшова с пробами воды, на них
сколько прокопченных кастрюль с нехитрым обедо
Тут же примостились хронометры. Продольные стен
до конца заняты двухъярусными койками.

В ногах Ширшова на веревочке висит потрепанн
портфельчик. Смотришь на него с уважением. Зде
хранятся тайны Северного полюса. Это — осущест
ление мечты человечества. Для нас это полгода напр
женной жизни, многие часы тяжелой физической р
боты. Лучше потерять голову, чем этот стареньк
портфель!

Между койками — зыбкий стол, занятый лаборат
рией. Над столом висит жестянка, предохраняющ
потолок от жара ламп. Обязанность Кренкеля — зас
пать эту жестянку звонкой промерзшей колбасой. М
перещеголяли московский «Гастроном»: у нас горяч
колбаса имеется в любое время суток. Горячая колб
са вызвала у Федорова некоторые ассоциации, в р
зультате чего на лаборатории Ширшова, очень пох
жей на ларек Моссельпрома, появилась надпис
«Пива нет».

Каждый из нас имеет свой уголок, где хранится во
кая мелочь. Особенно много ее у Папанина. Он сп
на веревочках, проволочках, тетрадях, спичках, кн
гах. Все это необходимо иметь под руками.

Днем лампы стоят на середине палатки, и мы, к
огнепоклонники, мостимся вокруг них. Прикасаться
стеклам строго запрещено, это прерогатива главно
«жреца» Папанина. Не спрашивайте, сколько лампов
стекол осталось. Как хороший хозяин, он скажет, ч
десять, хотя их пятнадцать.

Немногие свободные места на стенах увешаны ор
жием, фонарями, связками книг. Покосившись набо
на веревке висит наша аптека в маленьком ящи
Ширшов мужественно защищает остатки марли, ве
запас которой разошелся на хозяйственные надо
ности.

Недавно Ширшову ставили банки. Пахло горел
спальным мешком. Благодарные за развлечение зри
ли не скупились на советы. Время лечения прошло в
село, и пациент исцелился главным образом смехом.

Серебрятся инеем стены палатки, тускло горят ла

ы, но крепкий малюсенький коллектив горит на ра-
оте, жизнерадостен и весел. Одну из любимых пла
тинок мы немного перефразировали: «Дрейфовать в
алеком море посылает нас страна».

18 ноября

Итак, мы празднуем юбилей. Еще никто в мире не
правлял такую дату: 21 ноября исполняется ровно
олгода с тех пор, как мы обосновались на макушке
ира.

Ровно шесть месяцев назад это крепкое ледяное по-
е, покрытое буграми старых торосов, лежало над
еверным полюсом. Тесно сжатая со всех сторон со-
едними полями льдина двигалась в общем неудержи-
ом потоке полярного льда, когда один за другим
пустились на нее большие оранжевые самолеты. Над
елой пустыней был поднят советский флаг. Льдина
онесла на себе первую дрейфующую научную стан-
ию: давняя мечта полярных исследователей стала
актом.

Шли дни. Морозный солнечный май сменился теп-
ым июнем, наступило пасмурное дождливое лето. По-
ерхность льда покрылась лужами и озерами. Вода
еснила нас, и мы обрадовались первым морозам в
ентябре. Зато в октябре мы стали уже поеживаться...

Один за другим уходили назад градусы широты. И
акие градусы! Немало замечательных жизней оборва-
ось на этих параллелях. Нелегко давались эти широ-
ы полярным исследователям. И мы торопились со-
ирать богатейшую научную жатву, используя каж-
ый час пребывания в сердце ледяной Арктики.

На материк, в кабинеты ученых-синоптиков и в штаб
ероических перелетов, непрерывно летели метеосвод-
и. Часами пыхтели мы у грязной промасленной ле-
едки, выкручивая километры троса, побывавшего на
не океана.

Ушло солнце, и на звездном небе показались зеле-
ые огни полярного сияния. Зачастили морозы. Однако
то пустяки. В конце концов тщательно подобранное
наряжение, большой запас горючего и продоволь-
твия обеспечили нам максимум возможных удобств.

По «условиям местности» мы живем даже весьма ком
фортабельно.

Без ложной скромности можно сказать, что нам не
трудно преодолевать помехи и затруднения в работе,—
ведь мы окружены атмосферой теплого внимани
всей великой страны. Мы каждый день ощущаем эт
заботу. Многочисленные приветствия, наконец, выдви
жение нашего старшего товарища кандидатом в депу
таты Верховного Совета свидетельствуют об этом. Н
мы твердо уверены в том, что оправдаем доверие ро
дины и успешно закончим порученное нам дело.

19 ноября

...Хорошо в лунную ночь побродить вокруг наше
станции! Быстро несутся по светлому небу причудлив
рваные клочья облаков. Временами показывается луна
и тогда таинственными монументами кажутся сгрудив
шиеся в стороне торосы. Черными длинными языкам
вытягиваются сугробы на застывшей белизне поля
Ребрами каких-то неведомых чудовищ выглядят мачт
и воткнутые в снег лыжи. Приземистым силуэтом едв
чернеет зарывшаяся в снег палатка. Сквозь замерзши
круглый иллюминатор уютно поблескивает огонек.

Мы любим нашу льдину, любим весь этот своеобраз
ный мир, только издали кажущийся мертвой пустыне
Как много захватывающе интересного рассказываю
внимательному исследователю ветер, лед, океан!..

Поздний вечер. В палатке ярко горят лампы, осве
щая привычную тесноту, равную тесноте, какая бывае
разве только в подводной лодке. Алмазными блестка
ми сверкают белые пятна инея на стенах. На полу —
четыре больших листа, покрытых географической се
кой. Это Федоров разложил карту нашего дрейф
Причудливыми зигзагами и петлями вытянулся почт
тысячекилометровый путь, пройденный нашей льдино
Дрейф полярного льда является, пожалуй, одним и
наиболее грандиозных явлений природы. В беспр
дельных просторах Ледовитого океана зарождаетс
гигантский ледоход, неуклонно увлекающий миллион
квадратных километров на редкость толстого, мощно
льда. И вот здесь, в этих тетрадках, за шесть месяце
накопилось множество записей астрономических, ве

ушечных, метеорологических наблюдений, дающих азгадку законов дрейфа от полюса до Атлантики.

На карте Федорова много цветных кружков. Они, ак бусы, нанизанные на тонкую нитку — нитку дрей-а. Вот тринадцать синих кружков. Это тринадцать равитационных пунктов, в которых была определена ила тяжести. Двенадцать больших красных круж-ов — это промеры глубины океана, огромной глубины, оторую мы все же измерили! Красные кружочки по-еньше обозначают пункты, где были сделаны два-цать четыре гидрологических станции. Эти станции азрезали всю толщу океана от полюса до Гренландии показали, как под слоем холодных полярных вод до амого полюса доходит мощный поток теплой атлан-ической воды. Вот красные треугольники — биологи-еские станции, давшие нам возможность опровергнуть тарую сказку о безжизненности вод Ледовитого океа-а. Обильно рассыпаны по линии дрейфа зеленые рючки. Это многочисленные пункты магнитных на-людений, каждое из которых потребовало многих ча-ов — иногда даже целых суток — непрерывной ра-оты.

Однако довольно рассматривать карту.

Мы покажем ее, когда вернемся. Уже половина две-адцатого ночи. Мы торопливо надеваем наушники, в оторых уже звучит знакомое: «Внимание! Говорит Москва». Здесь, на далекой льдине, мы жадно ловим каждое слово, рассказывающее о том, чем и как живет аша любимая страна.

24 ноября

На коричневом деревянном планшете — нашем сто-е — остывал чайник. Вызванные Москвой, мы ловили с апряжением каждое слово. В палатке было прохлад-но; очень слабый ветер не обеспечил достаточной вен-тиляции, и лампы горели тускло. Кренкель часто выни-мал руку из теплой меховой рукавицы и подстраивал риемник. К счастью, вначале слабая слышимость бы-тро улучшилась.

Слушаем радиопередачу, посвященную нам. Читает вой прекрасный очерк Всеволод Вишневский. Петро-аводские рабочие говорят со своим кандидатом Ива-

ном Папаниным. Вот одна за другой выступают жены. Прекрасно слышны любимые, взволнованные голоса. Если сам от волнения не поймешь, о чем говорит жена, — ничего, напомнят и потом подробно перескажут товарищи.

Начался концерт. «Я вижу вашу очаровательную улыбку, Иван Дмитриевич», говорит Утесов.

Он прав. Но улыбается не только Папанин. Все четыре небритые физиономии, покрытые густым слоем копоти от ламп, сияют довольством из-под меховых капюшонов. (Эти дни в палатке холодно, и нам не хотелось бриться.) Облачка пара от дыхания поднимаются к закопченному потолку, на котором местами выступили белые пятна инея. Провода телефонных трубок и шнурки для просушки носков, рукавиц, рубах тянутся под потолком. Какой привычной сделалась за полгода эта обстановка!

Сегодня в нашем «логове» — большущий праздник. Сегодня мы слушаем москвичей и ленинградцев, наших жен и друзей.

Мы сидим притихшие и молча слушаем, как диктор-ша заканчивает передачу ласковыми словами:

— До свиданья, родные!

Быстро составляем ответную радиограмму.

Ветер крепчает, барометр идет вниз. Низкие облака заволакивают небо. Уже ползут струйки снежной пыли по плотной поверхности сугробов — начинается пурга. Но весело горят лампы в палатке, весело блестят глаза у обитателей полюса. Далеко заполночь тянутся разговоры у горячего чайника. Далекая родина еще раз ободрила нас.

27 ноября

Пурга... Слышно, как ворчит Кренкель. После того как он отсчитал термометры в метеобудке и сменил ленту самописца, его руки замерзли. Окоченевшими пальцами он с трудом застегивает дверь. Потом Эрнст отогревает руки в палатке и вновь выходит в тамбур.

— Браточки, вставайте — чай готов,— кричит Эрнст. Петя Ширшов, потягиваясь, мурлычит что-то из мешка.

— Как погода, Федорыч?— деловито осведомляется Папанин, поворачиваясь к нам лицом...

Еще около 200 километров отделяет нас от ближайших северо-восточных берегов Гренландии, но суша уже чувствуется. Ледовый поток, стремящийся из Полярного бассейна в Атлантический океан, трется своим правым флангом о скалистые выступы суши. Поэтому правые края ледяных полей тормозятся. Задержка передается от одной льдины к другой, и в результате каждая в отдельности поворачивается по часовой стрелке.

Одевшись, Федоров берет фонарик и выходит из палатки. Сейчас его очередь обойти лагерь. Приближаясь к Гренландии, мы становимся осторожнее, внимательнее. Тщательно смотрим за льдом. Пурга крепкая. Сквозь серый снежный вихрь проступают слабыми силуэтами хорошо знакомые предметы. Ориентируясь по ветру, ходим от одной базы к другой, спотыкаясь на застругах. Напряженно согнувшись, гудит под напором ветра мачта. Компактно уложенные склады хорошо обтекаются воздушным потоком, сугробы за ними не вырастают. Базы в порядке, трещин на льду нет. Закрывая лицо рукавицей, сильно нагнувшись, пробирается Федоров против ветра к дому.

В часы пурги в палатке особенно уютно. Лампы ярко горят и хорошо греют. Стол накрыт, ложки шаркают по сковородке, подбирая горячую кашу. Мы разговариваем о том, какие меры будем принимать, если кто-нибудь заблудится в пургу около лагеря.

28 ноября

Призрачный лунный свет заливает нашу льдину, серебрит склоны снежных холмов. Высокими скалами выглядят острые гребни торосов. С привычной дороги открывается вид на какой-то странный, нереальный пейзаж. В морозной тишине звонко разносится шум шагов. Ширшов торопится на свой гидрологический «хутор».

В трех четвертях километра от станции, на самой кромке нашей льдины, мы поставили у трещины гидрологическую палатку. Гидрология стала у нас «кочевой наукой»: старая лунка совсем замерзла; мы начали

рубить новую, но на глубине полутора метров из трещины выступила вода, до краев затопившая прорубь.

Тогда мы погрузили на нарты лебедку, палатку, приборы и теперь каждый раз выезжаем к трещине, чтобы взять очередную гидрологическую станцию..

Льдина наша громадным треугольником раскинулась почти на четыре километра. На ней свободно мог бы разместиться небольшой город со всеми своими бульварами, скверами, парками. Здесь есть ровные площадки, пригодные для посадки целой эскадрильи тяжелых самолетов, есть живописные холмы высотою до трех метров. А летом на льдине были озера, вполне пригодные для организации небольших экскурсий на байдарке. По краям льдины тянутся грядами старые торосы — следы мощных ударов соседних полей. За этими грядами — полоса битого льда шириной в 50—100 метров. Тут повсюду видны следы недавних подвижек и сжатий. Ровные бруски молодого льда беспорядочно набросаны на гряды торосов. Кое-где чернеют полосы едва замерзшей воды. Это и есть наша трещина; здесь, на небольшой площадке молодого льда, приютилась гидрологическая палатка.

Гидрологическая станция в наших условиях — это 30 часов работы с тремя короткими перерывами для отдыха тут же на льду. Когда целые сутки вертишь лебедку, выбирая сотню метров за сотней бесконечным кажущийся трос, меховая рубашка даже при тридцати градусном морозе становится совершенно излишней, ненужной деталью костюма!

С приближением к Гренландии глубина океана несколько уменьшилась, хотя все же достигает трех с половиной километров. 8 ноября на широте 83° 56′ мы неожиданно для себя обнаружили, что глубина океана уменьшилась вдруг до 2 380 метров. Это было для нас сюрпризом! Казалось, что мы уже подошли к склону материковой ступени, идущей от Гренландии. Велико же было наше удивление, когда, унесенные дрейфом еще ближе к материку, мы снова обнаружили глубину, равную 3 500 метрам! Очевидно, мы еще не достигли склона материковой ступени и продолжаем находиться над большими глубинами. Восьмого же ноября

нам удалось обнаружить подводную возвышенность, на целый километр вздымавшуюся над окружающим ее дном океана.

29 ноября

27 ноября в 24 часа послышались частые глухие удары с ближайшей трещины. Наша льдина продолжает вращаться в общем потоке. Таким образом, ближайшая — прежде восточная — трещина стала теперь южной. Лишь за последние сутки поле развернулось на 8 градусов.

Несмотря на полную темноту и семибалльный ветер с непрерывной пургой, решили осмотреть трещину. Надо отметить, что на льду у трещины никакого шума не слышно. Палатка же плотно стоит на льду, и здесь слышны отдельные удары.

На трещине торосило молодой метровый лед. Лед валами наступал на наше поле. Местами под тяжестью валов треснул и накренился трехметровый лед. Скудный свет фонарей не позволил полностью определить размеры торошения.

Обратно шли, ориентируясь исключительно по ветру, так как следы наши были уже занесены. Канонада продолжалась сутки. Каждые два часа совершался обход наших продовольственных баз.

Кратковременные разрывы облачности позволили Федорову сделать астрономические наблюдения. За одни сутки мы продвинулись на одиннадцать миль в юго-западном направлении.

5 декабря. День Конституции

Сегодня до обеда мы занимались очередными работами — нужно было доставить лебедку на станцию, чтобы увеличить длину троса, которым мы достаем пробы грунта со дна океана: сейчас под нами большие глубины, и старого троса уже нехватает. В нашей «обсерватории» сделаны магнитные измерения. После передачи очередной метеосводки на остров Рудольфа в 18 часов мы наконец начали праздник. Большая речь Ивана Дмитриевича Папанина о Сталинской Конституции открыла длинную беседу.

Вместе со всей страной мы с большой радостью пе-

реживали эти дни. Громадная честь оказана нам родиной: кандидатуры всех жителей дрейфующей льдины выдвинуты в Верховный Совет!..

Два знамени сегодня развеваются на наших мачтах— флаг нашей страны и знамя с портретом творца Конституции, великого Сталина.

У БЕРЕГОВ ГРЕНЛАНДИИ

В ноябре дрейфующая льдина вышла в Гренландское море. Позади — около 1 200 километров пройденного пути. Весь этот путь от Северного полюса через Полярный бассейн до входа в Гренландское море тщательно изучен зимовщиками. Задача, поставленная перед папанинцами, в основном выполнена.

Но и Гренландское море представляет огромный интерес для науки и полярного мореплавания, и зимовщики продолжают свою работу.

К концу декабря дрейф заметно ускоряется. Все быстрее движется льдина на юг вдоль берегов Гренландии. Великая «полярная одиссея» подходит к концу. Дальнейшее пребывание героев на дрейфующей льдине становится все более опасным.

На Большой Земле начинают готовиться к снятию группы Папанина.

6 декабря

Прошло двести дней с тех пор, как советские самолеты высадили нашу небольшую группу на дрейфующий лед Северного полюса. Каждый из этих двухсот дней был заполнен непрерывными научными наблюдениями. Работая по 12—16 часов в сутки, мы не заметили, как пролетело время. И когда за нами прилетят самолеты, мы, вероятно, попросим летчиков отложить на денек отлет, чтобы закончить некоторые исследования.

За двести дней нас отнесло далеко на юг. Мы находимся уже близко от берегов Гренландии. Но, несмотря на это, темп и объем наших наблюдений остаются прежними, ибо район, где мы сейчас находимся, совершенно не изучен.

Приближение к берегам Гренландии чувствуется сразу. За последнее время нашу льдину начало сильно крутить. Каждый день нас поворачивает на 6—7 градусов по часовой стрелке. Быстрое вращение вынудило Федорова прекратить измерения магнитных вариаций, но на остальных наблюдениях оно не отражается. Вообще нашим специалистам Ширшову и Федорову приходится работать в весьма трудных условиях. Летом озера, появившиеся на льдине от таявшего снега, заставили Евгения Федорова перетаскивать с места на место всю свою «обсерваторию». Мягкий снег оседал под приборами. Теперь, в сильные морозы, Евгений по многу часов подряд сидит в своем ледяном домике, делая магнитные и гравитационные измерения. Работать ему приходится без перчаток, и каждое наблюдение требует большой настойчивости и нешуточной затраты сил.

Не меньшую энергию приходится проявлять и Ширшову. Летом талая вода со всей льдины устремлялась к лунке, где была установлена гидрологическая лебедка. Мобилизовав все доски и палки, имеющиеся на полюсе, мы укрепили лебедку. С наступлением морозов лунка стала замерзать, отклоняемый дрейфом трос прижимался к стенке и вмерзал в нее. Ширшову каждый раз приходилось голыми руками освобождать трос. Постепенно прочистка лунки стала настолько трудной, что с 1 декабря мы перевели гидрологию на кочевой образ жизни.

Когда приходит время делать гидрологическую станцию, мы отвозим все нужное хозяйство за километр от лагеря, на трещину, покрытую сравнительно тонким полуметровым льдом. Там разбивается палатка, ставится лебедка и проводятся все наблюдения. Чтобы не тратить времени на поиски в темноте этого «хутора», мы протянули к нему от палатки веревку. Вдоль этой веревки мы спокойно ходим в любую погоду. Без нее ориентироваться в пурге довольно трудно. Однажды Папанин с Кренкелем долго плутали в нескольких шагах от своей палатки, прежде чем ее нашли.

Путь льдины от полюса до берегов Гренландии нами тщательно изучен. В пятнадцати пунктах мы измерили глубину океана, в двадцати шести местах сделали гидрологические станции, взяв пробы воды в каждом месте с 15—25 глубин. Проведено много серий вертушечных наблюдений для изучения направления и скорости подводных течений. Наши гидрологические работы окончательно установили наличие достаточно обильной органической жизни в центральной части Ледовитого океана.

За время нашего пребывания на льдине мы сделали более ста астрономических определений. Они позволят точно проследить весь путь дрейфа и определить законы движения ледовых массивов в Центральном полярном бассейне.

Вообще программа научных наблюдений обширна. Мы надеемся, что тридцать пять определений магнитных элементов, 13 наблюдений над силой тяжести, несколько серий наблюдений над электрическим со-

стоянием атмосферы не окажутся бесполезными. Мы знаем, что наши регулярные метеорологические наблюдения с большим интересом принимаются научными учреждениями материка. Каждые два часа мы отмечаем все изменения погоды, четыре раза в сутки отсылаем данные на юг, внимательно следим за полярным сиянием.

С особой любовью относимся мы к своей маленькой радиостанции. Она приносит нам свежие новости, она поддерживает живую связь с нашей страной. Ежедневно мы узнаем последние новости Москвы, с радостью слушаем о том, с какой активностью проходит по всем уголкам необъятной Советской страны кампания по выборам в Верховный Совет СССР, с какой любовью демонстрирует весь советский народ свою преданность родине, партии Ленина — Сталина.

Ненависть охватывает нас, когда эфир доносит до льдины вести о зверских расправах фашистов в Испании, о гнусном поведении японцев в Китае, на глазах всего человечества грабящих трудовой народ.

За двести дней наша радиостанция передала и приняла около 3 000 радиограмм. Аппаратура не была рассчитана на такую нагрузку. Станция сделана прекрасно, и мы абсолютно спокойны за связь. Эта уверенность базируется и на том, что лучший полярник-радист Эрнст Кренкель пошлет и примет радиограмму в любое место и из любого пункта земного шара. Приближение к берегам суровой Гренландии не страшит Эрнста. На случай внезапного сжатия льдов он приготовил аварийную установку и уже укрепил ее на нартах.

Двести суток прожили мы на льдине в тесно сплоченном коллективе. Здесь на трудной работе можно четко оценить человека. И честно говоря — душа радуется за нашу советскую научную молодежь, людей, на деле показывающих свою преданность родине. Нам не стыдно будет возвращаться на материк. Мы собрали порядочное количество научного материала, и многие ученые получат сейчас надежные данные о всем районе нашего пути, от Северного полюса до последней точки дрейфа. Мы проплыли от полюса около 1 200 километров.

Мы не чувствуем себя одинокими. Мы живем одной

жизнью со всеми трудящимися нашей счастливой ро-дины. Нам не страшны морозы и полярная ночь — нас огревает внимание и участие всей страны. Мы, сы-новья своей великой родины, стараемся сделать как можно больше научных наблюдений, чтобы обогатить своими трудами советскую науку, чтобы с честью оправдать доверие товарища Сталина.

12 декабря

Всем корпусом наваливаемся мы на длинные лямки и шаг за шагом тащим нарты, нагруженные лебедкой, ящиками с приборами, бидонами с тавотом и прочим гидрологическим хозяйством. Тащить тяжело. С тру-дом переваливаются сани через заструги и высокие гряды льда. Впереди Женя Федоров тянет вторые нарты с длинными палками, досками и брезентовым верхом палатки. Черным бесенком прыгает вокруг нас собака Веселый и с присущим ей легкомыслием всяче-ски старается оправдать свою кличку.

Иван Дмитриевич Папанин шутя замахнулся. Весе-лый, словно в отместку, ухватил лямку зубами и на-чал тянуть наши нарты назад, тормозя и без того мед-ленное продвижение их от края трещины.

На старом льду, где нартам уже не могло угрожать сжатие, мы оставили их до следующей гидрологиче-ской станции.

Дни затишья кончились,— вновь началась пурга. Встречный ветер нещадно колет лицо. Продвигаться вперед до крайности трудно. Однако надо спешить: чем дальше, тем будет хуже. Спотыкаясь, мы бредем домой. В серой мгле ничего не видно. Вероятно, мы бы не раз уже сбились с пути, если бы заботливый Иван Дмитриевич не протянул от трещины к жилой палатке километровой веревки.

Эта своеобразная нить Ариадны имеет свою историю. Как-то ночью, в пургу, когда особенно тревожно гу-дел над палаткой ветер, Папанин и Кренкель отправи-лись к трещине, чтобы посмотреть, не слишком ли грозным становится торошение. Они продвигались вперед вдоль знакомых нагромождений льда, идя все время по ветру. Вот и трещина. С визгом и грохотом всползали там одна на другую ледяные глыбы, обра-

зуя целые гряды новых торосов. Однако ничего особенно страшного не было: обычное торошение, каких мы видели уже десятки.

Убедившись, что спокойствию станции ничто не угрожает, Папанин и Кренкель повернули домой. В сплошной темноте они могли ориентироваться только по ветру. Если раньше он дул им в спину, то теперь, чтобы не сбиться с пути, надо итти как-раз против ветра.

Пурга бесновалась все больше и больше. Свет карманных электрических фонарей не мог и на полметра пробить сплошную стену взбесившихся снежинок. Два путника шли бесконечно долго, но палатки как не бывало. «Тут,— рассказывал потом Папанин,— нам стало скучновато». Решили повернуть обратно. Вновь брели без пути, без дороги то по ветру, то против него. Не раз перед нами вырастали совершенно незнакомые торосы. Много раз люди падали, спотыкаясь о высокие заструги, подымались и снова шли, ничего не видя, не надеясь уже отогреться в уютной палатке.

Росла тревога. И когда, казалось, не было уже никакой надежды добраться до цели, Иван Дмитриевич задел ногой какой-то твердый предмет. Папанин наклонился и выковырял из снега кусок доски.

— Эрнст, — закричал он радостно, — в этих широтах уже побывал человек! Палатка должна быть близко...

Действительно, через минуту показался какой-то силуэт. Это была метеобудка. Значит рядом, правее — жилая палатка!..

После этой истории Иван Дмитриевич в первый же тихий день проложил «троллейбусную линию». Конечными станциями маршрута были наш матерчатый жилой дом и гидрологический «хутор» у края трещины. Роль троллейбусов исполняли нарты, а роль двигателей — мы сами.

...Мы возвращаемся домой после очередной гидрологической станции, то есть после 35 часов беспрерывной работы на отчаянном морозе. Хорошо после этого напиться горячего чаю и нырнуть в пушистый, теплый спальный мешок.

Кренкель ждет нас с кипящим чайником и пачкой свежих телеграмм. Ширшов просматривает их, не от-

рываясь от кружки с горячей душистой жидкостью, и спешит в постель.

Отоспавшись он отправляется в свою лабораторию, то есть делает три четверти шага в сторону от постели. Тут у него множество пробирок, в которых заключены пробы воды, взятой с огромных таинственных глубин Ледовитого океана. Пробирки надо привести в порядок, классифицировать, записать в журнал. Кроме того ему предстоит титровать пробы воды, добытые во время последней гидрологической станции.

Внешне титрование чрезвычайно напоминает процесс приготовления «гоголь-моголя»: все время приходится стучать стеклянной палочкой в высокой рюмке. Только вместо желтков в рюмку наливается вода, взятая с глубины «каких-нибудь» трех-четырех тысяч метров.

На-днях нам сообщили о том, что на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке предполагается устроить копию нашего лагеря. Кренкель уверяет, что на этой выставке «гоголь-моголь» Ширшова будет пользоваться большой популярностью. По этому поводу немедленно начались остроты, и мы шутя распределили свои будущие обязанности живых экспонатов в выставочном павильоне. Женя Федоров за небольшую, доступную широким слоям населения плату будет демонстрировать свой коронный номер, то есть одним молниеносным движением вскакивать в спальный мешок на верхней койке, не задев при этом ничего в тесноте нашей палатки. Иван Дмитриевич Папанин одновременно на четырех паяльных лампах будет печь аппетитные пирожки с начинкой из различных концентратов, приготовленных Институтом инженеров общественного питания. Кренкель, конечно, будет выставлен вместе со своей рацией. На выставке ему придется без конца отстукивать всем желающим поздравительные телеграммы с пометкой «Северный полюс». Ширшов же будет взбивать «гоголь-моголь» и торговать содовой водой Ледовитого океана.

...Время бежит удивительно быстро. Посмеявшись, приятели укладываются спать. Но Ширшов еще не кончил работу и продолжает титровать пробы воды,

добытой из таких недр океана, о достижении которых океанографы всего мира могут только мечтать.

Наконец и Ширшов забирается в свой спальный мешок. За стеной палатки завывает ветер. Погода опять испортилась. Началась пурга.

Ночью пурга разыгрывается еще сильнее. Ветер то уносится на мгновение прочь, то снова обрушивается на брезентовые стены палатки. Сухо и настойчиво шелестят миллионы снежинок. На крыше жалобно скрипит ветряк, и нагло стучится в дверь палатки провод антенны. Частой металлической дрожью звенит какая-то цепочка. Время от времени ухо ловит гулкие удары и скрип льда. На трещине торосит...

Над изголовьем постели Федорова мирно вьется струйка пара от дыхания. Женя спит крепко,— его не разбудить никакой пурге! Зато Иван Дмитриевич явно бодрствует. Он поминутно ворочается с боку на бок, кряхтит и шумно вздыхает. Скосив глаза, Ширшов видит спину Эрнста Кренкеля. Он склонился над столом своей рации и в самозабвении путешествует по эфиру.

— Теодорыч,— чуть слышно шепчет ему Папанин, боясь разбудить Ширшова и Федорова.

Кренкель не сразу слышит этот осторожный шопот. Потом он оборачивается и, ласково улыбаясь, шепчет в ответ:

— Чего не спишь, Иван Дмитриевич?

— Не спится... Все думаю. Завтра — выборы. Ты только попытайся осознать: сто процентов населения нашей зимовки выдвинуто кандидатами в депутаты Верховного Совета!

И долго еще слышится приглушенный шопот этого разговора о великой чести, выпавшей на долю нас четверых.

Ширшов потихоньку смотрит на часы. Стрелки показывают шесть. Это 6 часов 12 декабря. Выборы начались!

15 декабря

Луну называют солнцем влюбленных. Охотно этому верим и желаем влюбленным всяческих успехов. К сожалению, нам приходится лунный свет использовать

более прозаически. Вместо нежной ручки дорогой спутницы, мы обычно сжимаем холодную, твердую ручку лопаты: надо откопать палатку, нарты, всякое хозяйственное добро, занесенное снегом в дни бешеной пурги.

Луна — это бесплатное и притом довольно хорошее освещение: она светит куда лучше, чем наши фонари «летучая мышь». Кстати, эти фонари такого низкого качества, что мы решили один из них привезти обратно на материк, чтобы пристыдить директора завода, производящего эту пакостную продукцию.

В лунную звездную ночь здесь очень хорошо. Над нами простирается довольно удачная копия московского Планетария. Только солнце временно «сломалось» и будет показываться лишь в конце февраля. «Директором» нашего «планетария» является Женя Федоров. Несмотря на высокую должность, ему приходится работать с теодолитом голыми руками. Не особенно красивый кривой ноготь — это след, оставленный одной из прежних зимовок, когда Федоров обморозил палец. Дирекция «полярного планетария», не щадя затрат, богато одаривает нас вьюгами и морозами.

Ежедневно, используя малейшую возможность, Федоров определяет местоположение нашей льдины. Новые координаты ожидаются с большим интересом. Мы не торопимся на юг, поэтому большие скачки нас не радуют. Однако мы капризны и иногда просим льдину двигаться побыстрее. Вот сейчас, например, нам хочется, как можно скорей пройти 30 миль, чтобы оставить позади себя северо-восточный мыс Гренландии, на который нас несет.

Досадно, когда луна пропадает из-за непогоды. Небо тогда закрыто облаками, астрономических определений сделать нельзя, и мы живем, не зная точно своего места. В такие дни кругом стоит непроглядная темь, и лишь вблизи едва чернеют знакомые предметы.

Жизнь наша в темноте идет так же размеренно и четко, как в солнечную погоду. Вот только к дрейфу никак не можем привыкнуть. Теоретически мы представляем снос льда на юг, но его движение незаметно,

льдина осталась без изменения и приходится верить Федорову на слово, когда он оглашает координаты. Последний месяц льдина вертится, страны света пришли в игривое настроение и поползли вокруг нас. Однако все это мало убедительно, и нам кажется, что мы стоим на месте. Тем более, что радио острова Рудольфа безошибочно доставляет нам радиограммы, адресованные на «Северный полюс».

Когда мы вернемся, нас наверняка будут отводить за рукав в сторону и таинственным шопотом спрашивать: а скажите, по совести, вы очень боялись? Все будут думать, что мы ответим отрицательно. Должны заранее разочаровать этих товарищей и напомнить им один исторический факт. Как передают, мимо Наполеона в опасную атаку пробегала часть во главе с молоденьким офицером, который обливался слезами. Наполеон подозвал его и спросил, почему он плачет. Офицерик ответил, что он очень боится. «Ну, желаю победы!» сказал Наполеон, и офицерик помчался догонять свою часть и стал во главе ее.

Хорошо ему было плакать при положительной температуре! Нам хотя и страшновато, но плакать нельзя: слезы сразу замерзнут. Все же убедительно просим всех сочувствующих нам не бежать на основании этих сенсационных сведений к Отто Юльевичу Шмидту и не требовать немедленной посылки самолетов! До полного окончания плана работ наш аэродром закрыт.

Все мы регулярно ведем дневники. Если не записать в дневник, то иногда трудно бывает вспомнить, что было два дня тому назад. Правда, иногда мы записываем: «Ничего не было!» Но это неправда. Были метеосводки, были радиосводки. Папанин боролся с замерзшей кашей и разливал керосин, Федоров и Ширшов приводили в порядок свои записи.

Быстро идет время и не без пользы. Вот срывается еще листок календаря, который все мы знаем наизусть. Мы говорим друг другу: а что, если товарищ Сталин вдруг спросит, как у нас дела? Мы стараемся работать так, чтобы не краснея ответить на этот вопрос.

23 декабря

За последние два месяца дрейф нашей льдины заметно ускорился. Это было для нас некоторой неожиданностью: мы думали, что с наступлением морозов, сковывающих отдельные поля в общую массу, быстрота дрейфа уменьшится.

В июне мы проходили в сутки полторы мили, в августе около двух с половиной, в ноябре делали до четырех миль, в декабре средняя скорость еще больше. Направление дрейфа также изменилось с юго-восточного на юго-западное. В результате мы приблизились к берегам Гренландии, несколько отойдя от середины Гренландского моря, куда нас первоначально несло.

Приближение к берегам Гренландии, и в частности к далеко выдающемуся Северо-Восточному мысу, было тревожным моментом в нашей жизни. Мы имели основания ожидать значительных торошений и привели все свое хозяйство в полную походную готовность. Усилили дежурства, внимательнее смотрели за состоянием льда и приготовили комплект аварийного снаряжения.

Последние три дня сильный северный ветер и сплошная облачность не давали нам возможности определиться. Вчера прояснилось, и мы узнали с облегчением, что коварный Северо-Восточный мыс остался позади.

Быстрый дрейф заставил нас участить научные наблюдения. Наши научные работники сейчас так загружены, что не успевают обрабатывать добываемый материал. В частности, мы еще не обработали интересный материал о дрейфе льдины за последнее время.

Название нашей станции — «Северный полюс» — сейчас несколько устарело. Ведь мы находимся уже южнее острова Рудольфа! Однако этот район совершенно не изучен, исследовательская работа ни в какой мере не теряет интереса, и мы работаем с большой интенсивностью. Нам будет очень неприятно, если льдину подтащит так близко к Гренландии, что потребуется высадка на берег. Тогда пришлось бы свернуть значительную часть нашей работы.

Недавно мы получили телеграмму от Отто Юльевича Шмидта о том, что Гренландское китобойное общество предлагает нам воспользоваться их продовольственными базами, имеющимися кое-где на восточном

берегу Гренландии. Мы тронуты вниманием Общества и благодарим его, но постараемся задержаться подольше на льдине. Наша цель — охватить своими научными наблюдениями как можно больший район.

Когда мы рассчитываем вернуться на материк? Очевидно, в марте — апреле, то есть тогда, когда полностью закончим намеченную программу исследований. Так как даже мощный ледокол вряд ли сумеет подойти непосредственно к нашей станции до наступления осени, то, вероятно, наше возвращение будет осуществлено с помощью самолетов.

На основании опыта прежних зимовок мы считаем наиболее подходящим месяцем для летной работы март. В марте период очень хорошей погоды продолжается несколько дней. В апреле и мае — летных дней меньше. В июне снежный покров становится очень рыхлым, что неудобно для посадки и взлета. В июле и августе на льду образуется снежная каша, затем большие лужи и озера, делающие посадку самолетов почти невозможной.

Самолеты, которые полетят за нами, могут базироваться на Шпицбергене, где имеются советские поселки, или непосредственно на ледоколе, который подойдет к нам возможно ближе. В последнем случае, самолетам придется летать на меньшее расстояние, следовательно, они смогут вывезти отсюда больше нашего ценного оборудования.

Наши колонии на Шпицбергене являются сейчас ближайшими к нам советскими полярными станциями. Мы поддерживаем с ними регулярную связь.

Пусть не думают, что мы торопимся уходить со льдины. Мы полны энергии, бодрости и готовы работать на льду до тех пор, пока не съедим последний бидон нашего продовольствия. А этих бидонов у нас еще очень много. Мы желаем как можно больше сделать для нашей любимой родины, чтобы с честью оправдать доверие нашего лучшего друга и учителя — товарища Сталина.

★

Наше пребывание на полюсе лишило писателей одной замечательной и терпеливой темы. Бедный полюс, как

много ты вытерпел! По древним гравюрам, ты был заселен людьми с собачьими головами. Затем на тебе подвизался капитан Гаттерас Жюля Верна. Сюда же была выброшена с итальянского дирижабля святая мадонна. (Как хорошо, что мадонна не имела радиостанции, иначе она опередила бы нас!)

Многим мы насолили, но особенно синоптикам. Отмечая на картах состояние погоды, они все непонятные циклоны и антициклоны вдохновенно засылали на полюс. Полюс улыбался и молчал.

Сильная молодая Советская страна двадцати лет от роду завоевала Северный полюс. Радостным гулом прокатилось известие об этом по всему земному шару. Только немногие «тугоухие» недовольно поморщились, делая малоутешительные для себя выводы.

Вся страна помогала нашей экспедиции. Нам хочется вывезти со льдины на материк всю свою утварь, чтобы рабочие и работницы Советского Союза могли узнать тысячи предметов, сделанных их руками. Все работало отлично. Спасибо, товарищи, за ваше участие в нашей экспедиции. Жмем ваши руки!

Целыми днями наша станция принимала поздравительные телеграммы. В сентябре самолеты доставили на остров Рудольфа письма. Писали жены, товарищи, незнакомые друзья. Какая-то англичанка из Лондона информировала, что в одном юмористическом журнале появился рисунок: на полюсе высаживаются туристы и красуется плакат, на котором изображены водка и зернистая икра. Во-первых, нас интересует, когда на полюсе появится плакат, на котором будут нарисованы виски и сандвичи. Во-вторых, уважаемая мисс забыла упомянуть, что первый плакат, должно быть, красовался на мощном стволе развесистой клюквы...

Для сведения легковерных читателей английских юмористических журналов сообщаю дополнительно детали: ежедневно, ровно в 6 часов утра, несмотря на злейшую пургу, мы взлезаем на самый высокий торос, хором исполняем русскую народную песню «Ах, вы сени, мои сени» и лишь после этого приступаем к научным работам.

Однако мы допускаем, что туристы на полюсе скоро будут. Предупредительные сигналы, висящие на мос-

ковских бульварах, — «берегись трамвая» — легко можно установить и на полюсе, изменив только надпись — «берегись сжатия!» Также необходимо заготовить плакаты — «окурки в трещины не бросать!». Излишними окажутся лишь советы: «не ешьте сырых фруктов» и «мойте руки перед едой».

Наш дрейф подходит к концу. На-днях Москва сообщала, что разрабатываются различные варианты снятия нас со льдины. Мы уже заказали по телеграфу в Ленинграде летние фуражки морского образца.

Сейчас все усиленно пишем в газеты. Некоторые из нас начали испытывать недостаток в темах для корреспонденций. Чтобы не подраться на литературном поприще, мы на общем собрании мирно распределяем и планируем темы. Муки творчества дают себя чувствовать. Назрела насущная необходимость в самоучителе для полярных корреспондентов. Например, какие бывают чайки? Чайки бывают — белые, одинокие, тоскливые, крикливые... Какие бывают дрейфующие зимовки? Только советские. Все наши мысли — нарасхват. Ширшов недавно использовал даже кухонную тему — примуса. Вообще Ширшов пишет, как Лев Толстой, — семь раз исправляет написанное.

Условия творчества у нас неказистые. Даже самый захудалый писатель имеет стол и стул. Этого у нас нет. Собственные ноги являются ножками письменного стола. Каждый пуще глаза бережет свои огрызки карандашей.

Скоро вся страна будет праздновать встречу нового года. Мы от души желаем успехов всем дорогим соотечественникам в 1938 году.

Не забывайте, товарищи, что каждая профессия имеет свой полюс. Так Иван Иванович Гудов достиг полюса фрезеровщиков. Пройдет еще несколько дней, наступит полночь 31 декабря, и мы поднимем свои бокалы за нашу страну, за нашу счастливую жизнь, за достижение всех полюсов!

31 декабря

В канун нового года на нас свалилось очень много литературной работы. Мы вчетвером (наш пес Веселый, пятый обитатель льдины, как известно, неграмо-

тен) обслуживаем пять газет и ТАСС. Лишенные книжных новинок, мы с удовольствием сочиняем сами. Сейчас можно видеть разные фазы нашего литературного творчества.

Ширшов сидит рядом с Эрнстом Кренкелем. За его спиной тянутся радиопровода. Перед лицом Кренкеля — радиожурнал. Нажимая ключ, буква за буквой он перегоняет очередную тысячу слов на остров Рудольфа. Видно, как буквы выскакивают в эфир — в антенном проводе мигает лампочка.

Неожиданно раздается легкий треск. Тянет гарью. Величавое спокойствие Эрнста нарушено. Лицо его искажается гневом. Левой рукой он резко выключает передатчик. Оказалось, что Ширшов, ерзая на месте в поисках вдохновения, случайно прижал какую-то проволоку к стойке кровати, и сквозь изоляцию на металл запрыгали синие искры. В этом происшествии виноват, впрочем, не столько Ширшов, сколько климат. У нас очень сыро на льдине. Влагой пропитано в нашей палатке все, и, пользуясь этим, электричество Эрнста расползается повсюду. Даже шерстяной спальный мешок иногда искрит.

Происшествие вскоре ликвидировано. Вновь мирно гудит мотор. Эрнст успокоился. Все вновь берутся за карандаши. Надо успеть закончить, чтобы приготовиться к новогодней праздничной трапезе.

Мы быстро продвигаемся вперед по воле дрейфа. За последние четверо суток мы прошли 37 миль на юг.

Прощай, прощай, Ледовитый океан, — «Северный полюс» вышел в Атлантику! Прощай, 1937 год, начатый на Большой Земле, продолженный в Арктике и завершаемый в Атлантическом океане. Там, далеко за горизонтом, солнце уже начинает подниматься, мы скоро встретимся с ним. Мы увидим солнце в наступающем 1938 году. Пусть этот год будет еще более счастливым, чем уходящий!

У нас на льдине не ахти какая красивая посуда. Рюмки, например, металлические. Но дело сейчас не в этом. В ледяных полях Гренландского моря мы поднимаем наши маленькие металлические рюмки за здоровье всей нашей страны, за здоровье дорогого, родного товарища Сталина!

5 января 1938 года.

Во второй половине декабря северные ветры резко продвинули нас на юг. Северо-Восточный мыс Гренландии, приближение к которому заставило нас насторожиться, уж давно остался позади.

Быстрый дрейф не позволяет Ширшову и Федорову обрабатывать научные материалы. Времени едва хватает для наблюдений, намеченных по плану. Гидрологические станции, например, проводятся каждые тридцать миль. Но сейчас тридцать миль мы проплываем в течение двух-трех суток.

К счастью, сейчас нам на помощь пришла сама природа. Раньше, когда наша льдина была в океане, нам приходилось устраивать сложные станции: мы брали пробы воды разных уровней от поверхности до тысячи и более метров. 27 декабря океанские глубины кончились. Сейчас мы двигаемся по гренландскому мелководью. Глубины колеблются от 200 до 250 метров.

Еще несколько десятков миль — и льдина достигнет районов с известными глубинами. Однако это не уменьшит ценности наших наблюдений. Район, в который мы вступаем, очень мало исследован. Даже измерения глубин единичны. А многие наблюдения мы сделаем впервые.

Последний день старого года был отмечен небывалым повышением температуры: было всего 4 градуса мороза. Новый год встретил нас сильным южным ветром и пургой. Сильно пуржит и сейчас.

17 января

Мы не можем быть на первой сессии Верховного Совета. Выполняя задание партии и правительства, мы в эти радостные дни продолжаем свою работу на дрейфующих льдах. Но вместе со всем советским народом обращаем свои мысли и чувства к сердцу великой страны. Из далекого Гренландского моря шлем пламенный большевистский привет избранникам самого свободного народа, первому депутату Верховного Совета нашему родному Сталину!

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА ЛЬДИНЕ

Еще в начале января в Гренландское море вышел гидрографический бот «Мурманец» для связи с папанинцами, разведки льдов и патрулирования вдоль ледяной кромки. Готовятся ледокольные пароходы «Таймыр» и «Мурман». Снаряжаются самолеты.

1 февраля в результате сильного шторма льдина раскололась. Однако и на обломке льдины отважная четверка продолжала работать.

Из Мурманска к лагерю Папанина выходят «Таймыр» и «Мурман». Правительство принимает решение о посылке сверх того мощного линейного ледокола «Ермак».

19 февраля «Мурман» и «Таймыр», пробившись сквозь тяжелые льды, подошли к лагерю Папанина. Папанинцы и все оборудование дрейфующей полярной станции «Северный полюс» взяты на борт ледоколов.

В этот период пространные прежде радиограммы со льдины становятся все короче, все лаконичнее.

Рапортом на имя руководителей партии и правительства, переданным в эфир, радиостанция «Северный полюс» закончила свою работу.

1 февраля

В результате шестидневного шторма в восемь часов утра поле в районе станции разорвано трещинами от полукилометра до пяти.

Находимся на обломке поля длиною 300, шириною 200 метров. Отрезаны две базы, а также технический склад с второстепенным имуществом. Из топливного и хозяйственного склада все ценное спасено. Наметилась трещина под жилой палаткой. Будем переселяться в снежный дом.

2 февраля

В районе станции продолжает разламывать обломки полей протяжением не более 70 метров. Трещины 1—5 метров, разводья до 50. Льдины взаимно перемещаются, до горизонта лед 9 баллов, в пределах видимости посадка самолета невозможна.

Живем в шелковой палатке на льдине 50 на 30 метров. Вторую мачту антенны ставим на время связи на другую льдину, с нами трехмесячный запас, аппаратура, результаты.

3 февраля

Ветер стихает. Зыбь продолжается.

Заняты переброской баз с соседних обломков. Все необходимое складываем на нарты. Старую жилую палатку затапливает водой. Антенну располагаем под углом на нашем обломке.

Сегодня ожидаем солнце.

4 февраля

Положение улучшилось.

6 февраля

Лед сплотило до 10 баллов. Временами торосит. Весь лагерь подготовлен к переброске на нартах. Льдины быстро взаимно перемещаются.

9 февраля

В ночь на 8-е волной шторма разорвало жилую палатку, а также радиопалатку, опрокинуло груженые нарты. Мы построили снежный домик и прилично разместились.

8 февраля впервые увидели берега Гренландии. Убили трех медведей.

9 февраля радио установили на новом месте в развернутом виде. Дрейфуем, виден берег. Лед сплошной, 10 баллов, начинает смерзаться. Все в порядке...

19 февраля. 15 часов 45 минут

Труды, научные материалы, приборы старательно уложены в нарты. Длинная цепочка советских моряков растянулась по ледовому полю, неся наши грузы. У кромки стоят корабли «Таймыр» и «Мурман». Папанин водружает на своей вышке красный флаг, развевающийся по ветру.

Мы уходим из лагеря навстречу родине!..

СТАЛИНСКОЕ ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНЕНО

ТОВАРИЩАМ СТАЛИНУ, МОЛОТОВУ, ВОРОШИЛОВУ, КАГАНОВИЧУ Л. М., КАЛИНИНУ, МИКОЯНУ, [redacted], АНДРЕЕВУ, [redacted], ЖДАНОВУ, [redacted], ледокол «Ермак»—ШМИДТУ.

Безгранично счастливы рапортовать о выполнении порученного нам задания. От Северного полюса до 75° северной широты мы провели полностью все намеченные исследования и собрали ценный научный материал по изучению дрейфа льда, гидрологии и метеорологии, сделали многочисленные гравитационные и магнитные измерения, выполнили биологические исследования.

С 1 февраля, когда на 74° наше поле разломилось на части, мы продолжали все возможные в этих условиях наблюдения. Уверенно работали, ни минуты не беспокоились за свою судьбу, знали, что наша могучая родина, посылая своих сынов, никогда их не оставит. Горячая забота и внимание к нам партии, правительства, дорогого товарища Сталина и всего советского народа непрерывно поддерживали нас и обеспечили успешное проведение всей работы.

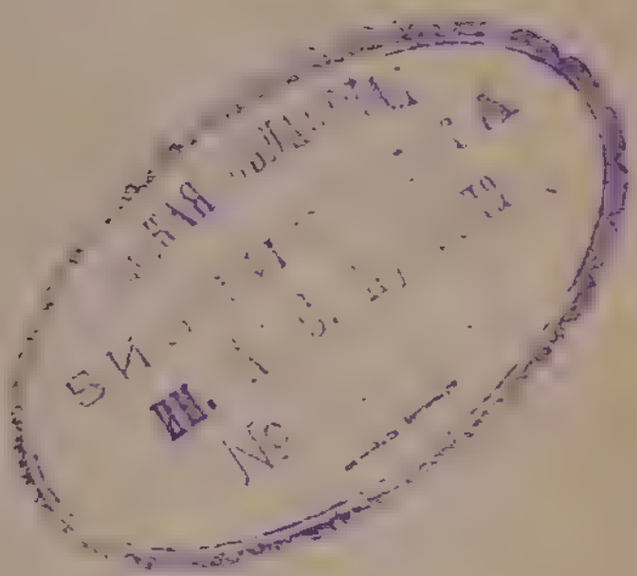
В этот час мы покидаем льдину на координатах 70° 54′ нордовой, 19° 48′ вестовой и пройдя за 274 суток дрейфа свыше 2500 километров. Наша радиостанция первая сообщила весть о завоевании Северного полюса, обеспечивала надежную связь с родиной и этой телеграммой заканчивает свою работу.

Красный флаг нашей страны продолжает развеваться над ледяными просторами.

ПАПАНИН. КРЕНКЕЛЬ. ШИРШОВ. ФЕДОРОВ.

Станция «Северный полюс»

19 февраля. 15 часов 55 минут.



ПЕРЕЧЕНЬ РАДИОГРАММ
1937 год

БОЛЬШЕВИКИ НА ВЕРШИНЕ МИРА

22 мая. Коллективная радиограмма папанинцев.
25 мая. Радиограмма *Федорова.*
29 мая. „ *Папанина* и *Кренкеля.*
30 мая. „ *Папанина* и *Кренкеля.*
3 июня. Радиограммы: 1-я—*Папанина* и *Кренкеля*, 2-я—*Федорова.*
4 июня. Радиограмма *Папанина.*

НА ЛЬДИНЕ ОСТАЛИСЬ ЧЕТЫРЕ ЧЕЛОВЕКА

6 июня. Коллективная радиограмма папанинцев.
7 июня. Радиограмма *Федорова.*
10 июня. „ *Федорова.*
14 июня. „ *Папанина* и *Кренкеля.*
15 июня. „ *Федорова.*

АРКТИЧЕСКОЕ ЛЕТО

17 июня. Радиограмма *Папанина* и *Кренкеля.*
22 июня. Радиограммы: 1-я *Папанина* и *Кренкеля*, 2-я—*Федорова.*
23 июня. Радиограмма *Папанина* и *Кренкеля.*
27 июня. „ *Папанина* и *Кренкеля.*
28 июня. „ *Папанина* и *Кренкеля.*
2 июля. Коллективная радиограмма папанинцев.
15 июля. Коллективная радиограмма папанинцев.
19 июля. Радиограмма *Федорова.*
21 июля. „ *Папанина* и *Кренкеля.*

29 июля. Радиограммы: 1-я — *Папанина* и *Кренкеля*, 2-я — *Федорова*.
5 августа. Радиограмма *Федорова*.
7 августа. „ *Федорова*.
8 августа. „ *Федорова*.
10 августа. „ *Федорова*.

В ПРЕДДВЕРИИ ПОЛЯРНОЙ НОЧИ

28 августа. Радиограмма *Папанина* и *Кренкеля*.
30 августа. „ *Федорова*.
4 сентября. „ *Папанина* и *Кренкеля*.
7 сентября. Радиограммы: 1-я *Федорова*, 2-я — *Папанина*.
12 сентября. Радиограмма *Папанина* и *Кренкеля*.
14 сентября. „ *Ширшова*.
17 сентября. „ *Кренкеля*.
18 сентября. „ *Папанина*.
26 сентября. Радиограммы: 1-я *Ширшова*, 2-я *Папанина* и *Кренкеля*.
28 сентября. Радиограмма *Кренкеля*.
29 сентября. „ *Папанина*.
5 октября. „ *Папанина* и *Кренкеля*.
8 октября. „ *Кренкеля*.

ВМЕСТЕ СО ВСЕЙ СТРАНОЙ

9 октября. Радиограмма *Папанина* и *Кренкеля*.
13 октября. „ *Папанина*.
15 октября. „ *Ширшова*.
19 октября. „ *Папанина* и *Кренкеля*.
1 ноября. „ *Папанина*.
2 ноября. „ *Папанина*.
6 ноября. Коллективная радиограмма папанинцев.
9 ноября. Радиограмма *Кренкеля*.
10 ноября. „ *Папанина* и *Кренкеля*.
16 ноября. „ *Кренкеля*.
18 ноября. „ *Федорова*.
19 ноября. „ *Ширшова*.
24 ноября. „ *Федорова*.
27 ноября. „ *Федорова*.
28 ноября. „ *Ширшова*.
29 ноября. „ *Папанина* и *Кренкеля*.
5 декабря. „ *Федорова*.

У БЕРЕГОВ ГРЕНЛАНДИИ

6 декабря. Радиограмма *Папанина.*
12 декабря. „ *Ширшова.*
15 декабря. „ *Кренкеля.*
23 декабря. Радиограммы: 1-я — *Папанина*, 2-я — *Кренкеля.*
31 декабря. Коллективная радиограмма папанинцев.

1938 год

5 января. Радиограмма *Папанина* и *Кренкеля.*
17 января. Коллективная радиограмма папанинцев.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА ЛЬДИНЕ

1 февраля. Радиограмма *Папанина.*
3 февраля. „ *Папанина.*
4 февраля. „ *Папанина.*
6 февраля. „ *Папанина.*
9 февраля. „ *Папанина.*
19 февраля. „ *Ширшова.*
19 февраля. Рапорт папанинцев т.т. Сталину, Молотову, Ворошилову, Кагановичу Л. М., Калинину, Микояну, [redacted], Андрееву, [redacted], Жданову, [redacted], ледокол «Ермак» — Шмидту.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр
Большевики на вершине мира	5
На льдине остались четыре человека	13
Арктическое лето	19
В преддверии полярной ночи	33
Вместе со всей страной	45
У берегов Гренландии	63
Последние дни на льдине	79
Сталинское задание выполнено	82
Перечень радиограмм	84

ПОДГОТОВИЛ К ПЕЧАТИ Н. ПОДОРОЛЬСКИЙ
ОБЛОЖКА ХУДОЖНИКА В. КЛИМАШИНА

Редактор *К. Воронков*
Технический редактор
М. Лойтерштейн.
Корректора *Н. Курдюмова*
и Н. Дегтярев.
Сдано в произв. 26/II 1938 г.
Подписано к печ. 5/III 1938 г.
М. Г. 41. Инд. Ю-6. Формат
бум. 84×108 1/32. 5,5 печ. л.
Уполномоч. Главлита Б—40561.
Заказ тип. 181. Тираж 50 000.

Ф-ка юношеской книги изд-ва
ЦК ВЛКСМ „Молодая гвардия",
ул. Фридриха Энгельса, 46.

Цена 1 руб. 25 коп.